

КУЛЬТОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ САЛТОВО-МАЯЦКОГО ПОСЕЛЕНИЯ НА ГОРОДИЩЕ АРТЕЗИАН (по материалам раскопок 1994–2010 гг.)

Н.И. Винокуров*, Л.Ю. Пономарев**

* *Московский педагогический государственный университет, Москва,*
vinokurovni@list.ru

** *Благотворительный фонд «Деметра», Керчь,*
l_ponomarev@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются культовые комплексы, которые были раскопаны в центральной части салтово-маяцкого поселения на античном городище Артезиан, расположенном в северной части Керченского полуострова. В зависимости от расположения они были объединены в два культовых комплекса, которые располагались недалеко друг от друга. Включенные в их состав культовые объекты, представляли собой ритуальные захоронения, которые были совершены в заброшенном античном колодце, в сооружении, напоминающем колодец, в ямах и котлованах, образовавшихся на месте добычи камня из античных построек. В двух из них принесена совместная жертва людей и собак, в двух других в жертву принесли человека, быка и лошадь. В одном случае ритуальное действо обошлось без человеческой жертвы. В жертву была принесена корова или теленок. Подобные комплексы были до этого обнаружены на многих поселениях салтово-маяцкой культуры, в том числе и на Керченском полуострове. Большинство из них, видимо, были связаны с земледельческим и скотоводческим культом плодородия.

Ключевые слова: Керченский полуостров, Артезиан, салтово-маяцкое поселение, салтово-маяцкие культовые комплексы, салтово-маяцкие ритуальные захоронения

Введение

К настоящему времени на территории Керченского полуострова известно свыше двухсот салтово-маяцких поселений, время появления которых относят к середине – второй половине VIII в.¹ Однако далеко не все они еще нанесены на крупномасштабные археологические карты и лишь немногие из них подверглись долговременным и планомерным раскопкам². К их числу, помимо поселений на городищах Тиритака, Мирмекий и Героевка-3, относится поселение на античном

Винокуров Николай Игоревич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков МПГУ.

Пономарев Леонид Юрьевич – научный сотрудник БФ «Деметра».

¹ Могаричев 2005, 238; Пономарев 2008, 268.

² Пономарев 2014, 136–141.

городище Артезиан, исследованная площадь которого составляет уже 6600 кв. м (рис. 1)³.

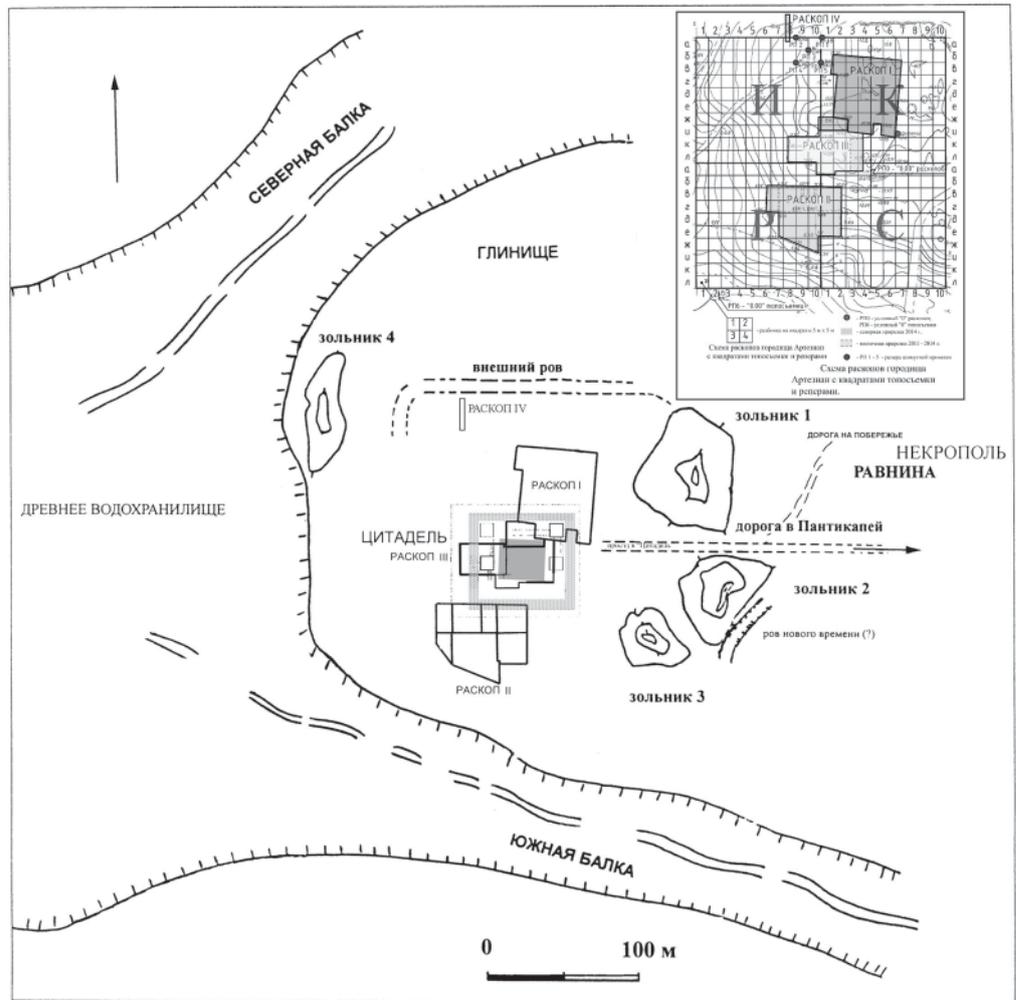

Рис. 1. План-схема городища Артезиан и схема раскопов I–IV с сеткой квадратов топографической съемки

³ Винокуров 2007, рис. 4; 5; 2014, рис. 4; Винокуров, Пономарев 2015а, 18–22.

Античное городище Артезиан (первая половина IV в. до н.э. – начало IV в. н.э.) расположено в северной части Керченского полуострова и занимает небольшой мыс в одноименном урочище в 2,5 км к северо-западу от с. Чистополье. С 1988 г. оно исследуется Артезианской археологической экспедицией (до 1994 г. Артезианский отряд ВКАЭ ИА АН СССР/РАН) (Винокуров 1998, 56). Наиболее ранние находки эпохи средневековья на городище и его некрополе относятся к ранневизантийскому периоду и датируются VI–VII вв. (Винокуров, Пономарев 2015в, 195–208). Однако соответствующего им «жилого» горизонта обнаружить пока не удалось. Территория разрушенного и заброшенного античного городища вновь была заселена только во второй половине VIII в. Не позднее середины X в. поселение было покинуто. Соответствующий ему горизонт прослежен на всех исследованных участках – раскопах I–IV, заложенных в центральной и южной части городища.

К сожалению, в результате активной антропогенной деятельности на всех изученных большими площадями салтово-маяцких поселениях, включая и городище Артезиан, «жилой» горизонт, соответствующий этому периоду, понес значительные и невосполнимые утраты. В результате их границы и планировка реконструируются чаще всего с большими допущениями, а среди инфраструктурных элементов поселений относительно хорошо изучены только жилые и хозяйственные комплексы – полуземлянки, наземные и заглубленные каменные постройки, хозяйственные ямы, очаги, ограды и зольники. Зачастую удается установить не только их функциональное назначение, но и структурную взаимосвязь друг с другом.

Совершенно иная ситуация сложилась с сооружениями и комплексами, которые, благодаря своей необычной конструкции, «не бытовому» составу находок и ряду других косвенных признаков, могут быть интерпретированы как культовые объекты. До недавнего времени на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова были обнаружены единицы таких объектов. К тому же причисление некоторых из них к сакральным памятникам вызвало сомнения и послужило закономерным поводом для дискуссии⁴.

В этом отношении салтово-маяцкое поселение на городище Артезиан стало своего рода прецедентом, поскольку здесь культовые объекты впервые были найдены в большом количестве и разнообразии. На протяжении нескольких лет в центральной части поселения было раскопано свыше десятка таких объектов, связанных с дохристианскими воззрениями и верованиями его жителей. Четыре из них представляют собой одиночные грунтовые захоронения (подростка 8–10 лет, мужчины 30–40 лет и двух женщин в возрасте до 35 лет), совершенные среди построек и в котловане засыпанной полуземлянки⁵. Состояние костей нижних конечностей в одном из них (погребении 9) указывает на их искусственное нарушение, скорее всего, в процессе ритуальных постпогребальных действий, связанных с обрядом обезвреживания покойника, следы которых прослежены на многих праболгарских и аланских могильниках салтовского времени, в том числе и на Керченском полуострове⁶. Однако, поскольку эти погребения будут рассмотрены в отдельной публикации, подробно на них мы останавливаться не будем. Отметим лишь, что в основной своей массе захоронения, совершенные на территории салтово-маяцких поселений (в том числе в заброшенных жилищах и производственных комплексах), имели, по-видимому, ритуальный характер и совершались в силу различных, порою тесно связанных между собой, причин культурно-религиозного, политического, социально-экономического или общественного характера⁷.

Остальные открытые на поселении культовые комплексы вслед за И.П. Русановой и Б.А. Тимошуком можно интерпретировать как «культовые места <...> устроенные человеком для жертвоприношения по какому-то определенному пово-

⁴ Сорочан 2004а, 128–129; 2004б, 409–410, 414; Пономарев 2003, 267–273; 2012–2013а, 197–198; Пономарев 2014, 145–146; Тульпе, Хршановский 2011, 228–236.

⁵ Винокуров 2004, 63–64, рис. 8; 2011, 56–63; Винокуров, Пономарев 2015б, 51–52.

⁶ Смирнов 1997, 60; Плетнева 1967, 80; Флеров 2007, 185; 1993, 45–46, 54; 2005, 384; Аксенов 2002, 98–113; Пономарев 2004, 451–462.

⁷ Плетнева 1989, 67; Плетнева, Красильников 1990, 106; Винников, Афанасьев 1991, 137–138; Албегова, Гусаков 2001, 127; Колода 2011, 269–270; 2012–2013, 111–112.

ду и затем оставленные»⁸. Большая часть из них условно объединена в «юго-восточный» и «южный» культовые комплексы, располагавшиеся в раскопах I и III на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга (рис. 2)⁹.

Первый, открытый в самой возвышенной части городища Артезиан, культовый комплекс получил условное название «южный». В 1999–2000 гг. был исследован один из наиболее ярких его объектов, представлявший собой совместное захоронение подростка и *pars pro toto* туши быка, совершенное в каменном сооружении, внешне напоминавшем колодец (рис. 3, 1; 4, 1). Однако в качестве гидротехнического сооружения эта необычная конструкция использоваться не могла, поскольку, имея глубину 2,39–2,46 м, она не достигала водоносного горизонта, залегавшего в этой части мыса на 20–30 м ниже.

При возведении «колодца» под его каменную конструкцию была выкопана округлая в плане яма (№ 254) размерами 1,54×1,80 м, прорезавшая рыхлый суглинистый слой темно-желтого оттенка с большим количеством известнякового отеса, отложившегося в процессе строительства античной «цитадели» городища. Заполнена она была таким же по структуре и плотности грунтом, но более светлого оттенка. Из находок в заполнении ямы отметим ручку античной амфоры и монету Рискупорида III (210–226 гг. н.э.).

В плане шахта «колодца» имела неправильную четырехугольную форму, в разрезе – трапециевидную, при этом углами была ориентирована по осям СВ–ЮЗ и СЗ–ЮВ. По направлению к дну она расширялась, соответственно, на уровне горловины ее размеры составляли 0,85×0,72 м, а на уровне дна – 1,02–1,04×1,04 м. Стенки шахты были сложены из обработанных известняковых плит, установленных на ребро с перевязкой рядов. Кладка однослойная, орфостатная, однолицевая (рис. 3, 5; 4, 1). Всего было уложено семь рядов плит, между некоторыми из них прослежены следы известкового и глиняного растворов. Лицевая, обращенная внутрь шахты, поверхность плит обработана каменотесным инструментом наподобие скарпеля. В северной стенке, на высоте 0,90–0,98 м от дна, была устроена ниша размерами 0,15×0,12×0,14 м, но ее назначение выяснить не удалось. По крайней мере, она не использовалась для установки светильника, поскольку следы копоти на ее стенках отсутствовали.

На дне «колодца» прослежена прослойка вязкой глины серо-зеленого оттенка толщиной 1,5–3,2 см. Ее перекрывала прослойка обугленного, напоминающего сажу, грунта толщиной 2–3 см, с большим количеством перегоревших зерен пшеницы или ячменя. Следы воздействия высоких температур и пламени в виде пятен красно-бурого оттенка прослеживались и на поверхности плит стенок «колодца».

Спустя небольшой промежуток времени, за который прослойка обугленного грунта еще не была перекрыта другими отложениями, в северо-западном углу «колодца» было совершено ритуальное захоронение подростка, уложенного на спине головой на запад (рис. 3, 4; 4, 2). Правая его верхняя конечность согнута в локтевом суставе, кисть перекрыта костями нижних конечностей. Левая верхняя конечность, перекрытая костями нижних конечностей, вытянута вдоль туловища. Нижние конечности сильно согнуты и развернуты в северном направлении. При

⁸ Винокуров 2002, 191–193; 2004, 63–77; Русанова, Тимошук 2007, 25.

⁹ Винокуров 2004, 63–72, рис. 7.

этом бедренные кости сдвинуты от костей таза, но сохранили связь в коленных суставах с костями голени. Кости стоп полностью перекрыты малыми и большими берцовыми костями. Такое положение костей нижних конечностей вряд ли можно признать естественным. Скорее всего, перед погребением ноги подростка были отчленены по бедренным суставам, а стопы – по суставам от голени. Подрезкой сухожилий может объясняться и их скорченное положение. Возможно, еще до разложения мягких тканей была отделена и голова, поскольку череп вместе с челюстью был смещен от естественного анатомического положения и уложен основанием на грудную клетку.

В центре «колодца», на том же уровне, что и погребение подростка, находились несколько грубо расколотых плит известняка. На одну из них был уложен череп крупного быка, установленный рогами вниз и ориентированный по оси ЮЗ–СВ (рис. 3, 4). Рядом с камнями были найдены хвостовые позвонки и кости плюсны, зачищенные вне анатомического порядка. По всей видимости, в «колодце» вместе с подростком было совершено ритуальное захоронение шкуры быка, снятой вместе с частями его скелета. Иными словами, речь идет о заместительной жертве, принесенной по довольно часто практиковавшейся в древности многими народами схеме *pars pro toto* – часть (отдельные кости, шкура или «чучело») вместо целого животного.

Остатки ритуального захоронения были перекрыты слоем плотного грунта темно-коричневого оттенка мощностью 0,86–0,90 м. В нем прослежены прослойки золы, мелкие древесные угли, раковины виноградных улиток и кости диких животных – нескольких мышей, четырех зайцев и щенка лисицы, вероятно, попавших сюда случайно. Этот слой был перекрыт однородным и очень рыхлым щебнистым грунтом светло-серого оттенка с прослойками темно-коричневого суглинка. Мощность его достигала 1,60 м, но при этом, за исключением нескольких стенок античных амфор и ручки причерноморской бороздчатой амфоры, он практически не содержал находок.

Горловину «колодца» перекрывала переносная поилка (или кормушка) для скота размерами 1,10–1,20×0,70×0,50–0,60 м и глубиной 0,30 м, вырезанная из известнякового блока (рис. 3, 2). Ее сбросили в него, когда шахта была засыпана только наполовину, при этом она не перекрыла горловину полностью. Благодаря этому обстоятельству частично засыпанный «колодец» превратился в своеобразную ловушку для мелких животных, и лишь со временем его беспрепятственно заполнил затечный грунт.

Датировать ритуальное захоронение в «колодце», хотя и в очень широких пределах – второй половиной VIII – первой половиной X вв., позволяет единственная находка – горловина причерноморской амфоры с бороздчатым рифлением (рис. 3, 3)¹⁰, обнаруженная под лопаточной костью подростка. Дискуссионным остается и его предназначение. Возможно, оно было связано с земледельческим и животноводческим культурами плодородия, на что указывают обгоревшие зерна злаковой культуры на дне «колодца», кости быка, поилка для скота, а также жернов и обломок плиты зернотерки, обнаруженные в 0,2 м к югу от него¹¹. Впрочем, нельзя исключать, что жертвы были принесены в иных, возможно, даже комбинированных

¹⁰ Науменко 2009а, 43–47, тип II.

¹¹ ср.: Чибиров 1983, 97; Тульпе, Хршановский 1994, 109.

целях. К примеру, специальные, использовавшиеся не для забора воды, а в ритуальных целях, культовые колодцы, раскопанные на славянских и кельтских святилищах, служили, по мнению исследователей, для связи с «подземным миром», а принесенные в них жертвы означали дар предкам или отправление посланцев в потусторонний мир¹².

Помимо «колодца», в состав «южного» культового комплекса условно включено еще несколько, расположенных поблизости и сосредоточенных в наиболее возвышенной части поселения, объектов.

Один из них – котлован перекопа 7, открытый в 1995 г. на раскопе I в 12–13 м к северу от «колодца» (рис. 2). Он имел в плане аморфную, приближенную к овалу, форму и был вытянут по длинной оси в направлении СЗ–ЮВ. Его размеры составляли 6,5×4,4 м, а глубина достигала 0,30–0,40 м. Из заполнения происходят фрагменты стенок античной керамики, причерноморских амфор и салтовомаяцких горшков. Подобного рода котлованы на поселении обнаружены на всех исследованных участках. Образовались они в результате добычи камня из разрушенных античных построек. Таким образом, изначально котлован 7 не имел к «южному» культовому комплексу никакого отношения, но впоследствии, перед тем, как он был засыпан, в нем совершили комбинированное жертвоприношение отдельных частей скелетов человека и животного (челюсти взрослого мужчины, череп и разрозненные кости ног лошади).

Еще один котлован перекопа (котлован 5) был исследован в 2001 г. Как и предыдущий, он был найден на раскопе I, но располагался в 7–8 м к северо-востоку от «колодца» (рис. 2). В плане котлован имел аморфно-округлую форму. Диаметр пятна его заполнения достигал 5 м. Глубина перекопа составила 4,5 м¹³. Позднее, когда он был засыпан, в нем был вырыт еще один котлован размерами 3,80–4,12×3,90–4,0 м и глубиной 2,12–2,15 м. Заполнен он был темно-коричневым грунтом с большим количеством щебня, костей животных и разновременной керамикой, среди которой преобладали амфоры и столовая посуда первых веков н.э. Керамические изделия второй половины VIII – первой половины X вв. представлены немногочисленными стенками ойнохой скалистинского типа и фрагментами салтово-маяцких горшков.

Причислить и этот котлован перекопа к числу культовых объектов позволили обнаруженные в северной его части на глубине 1,90–2,05 м разрозненные кости быка и раздавленный череп человека со следами искусственной деформации и без нижней челюсти, которые были компактно уложены на нижних, обнаженных котлованом, рядах кладки северо-восточной башни античной «цитадели»¹⁴. Условия их находки позволяют предположить, что более поздний котлован вырыли специально для совершения в нем ритуального захоронения.

Еще два, включенных в «южный» ритуальный комплекс, объекта были обнаружены в северо-восточном углу раскопа III. Один из них – сильно разрушенная

¹² Русанова, Тимошук 2007, 122–123.

¹³ Позднее, когда котлован перекопа был засыпан, в нем был вырыт котлован 5 размерами 3,80–4,12×3,90–4,0 м и глубиной 2,12–2,15 м. В 4,1 м к юго-западу от котлована 5 и 0,8 м к северо-западу от «колодца» с ритуальным захоронением был обнаружен котлован 6, но в его заполнении не оказалось находок, которые позволили бы классифицировать его как культовый объект.

¹⁴ Винокуров 2011, 61.

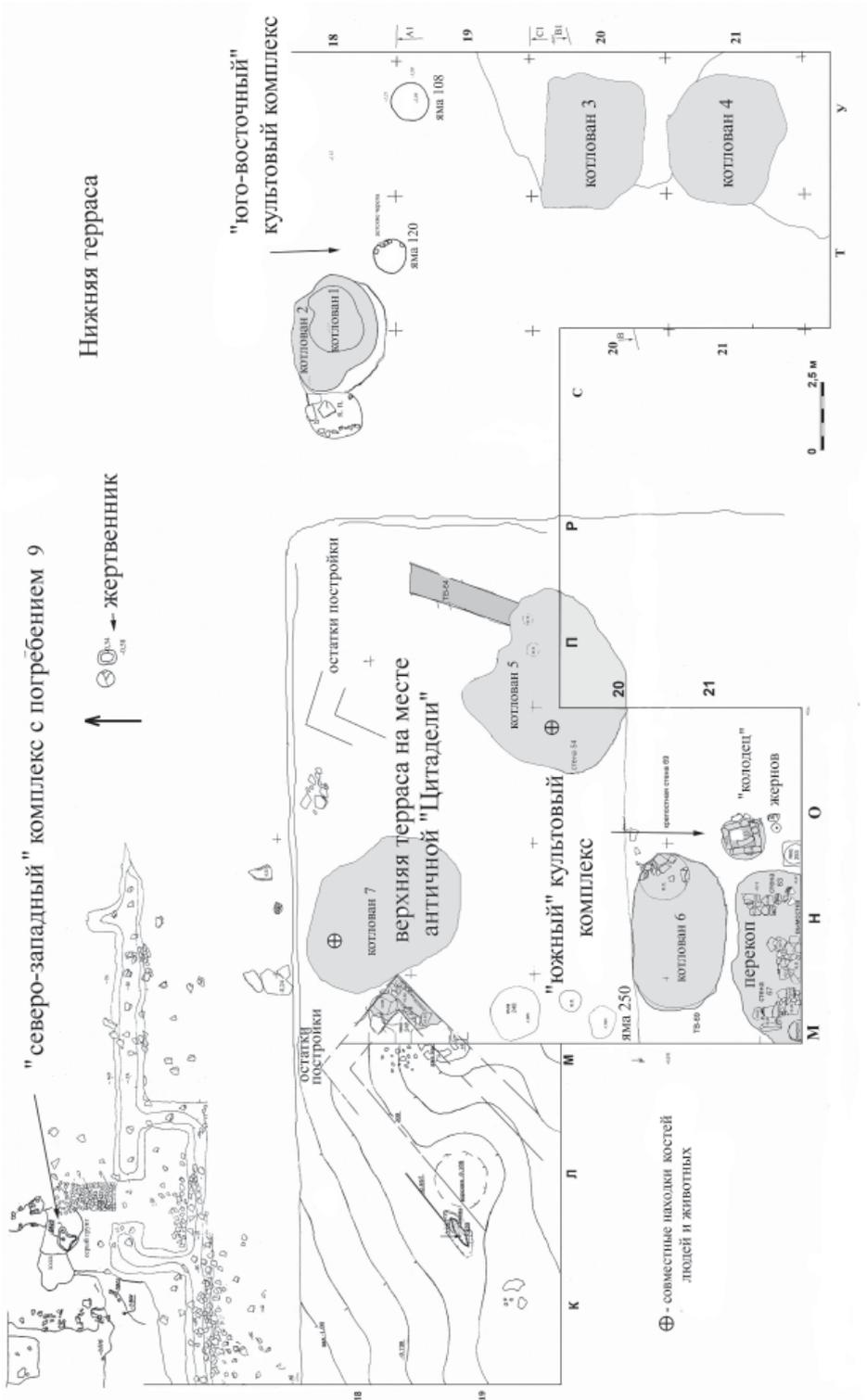

Рис. 2. План участка раскопа I с «южным» и «юго-восточным» культурными комплексами

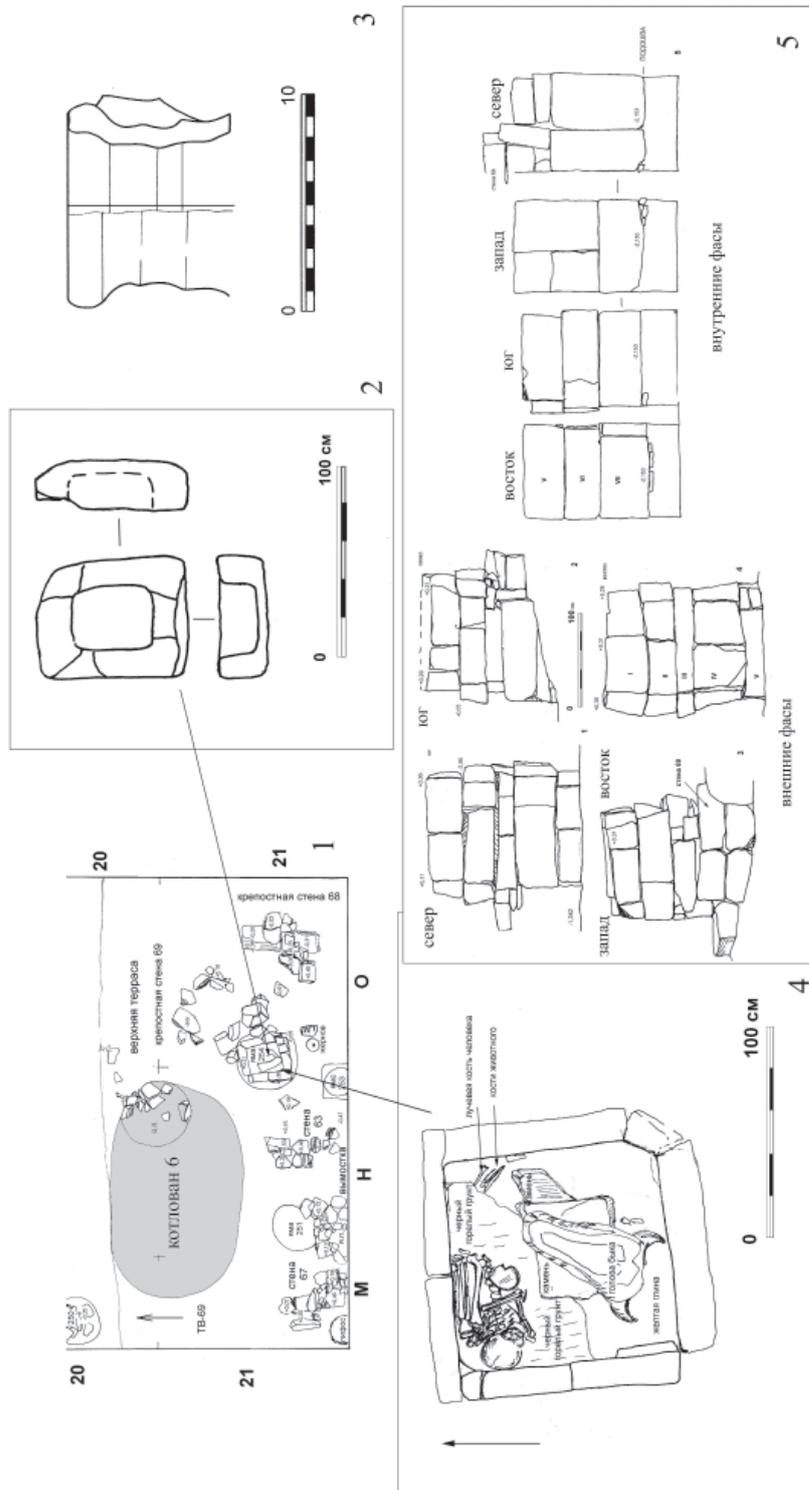
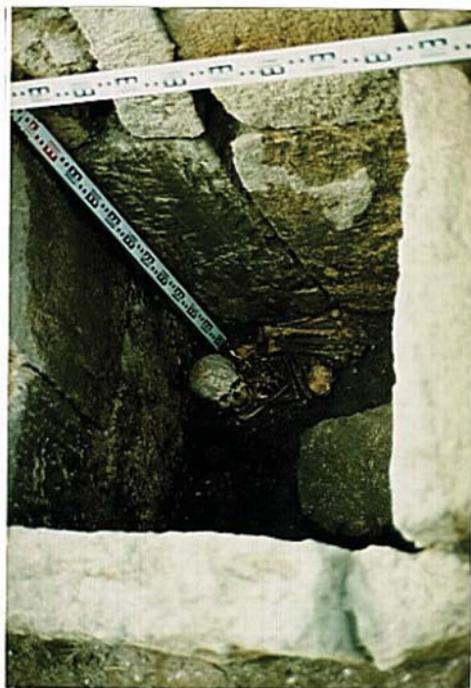

Рис. 3. «Южный» культовый комплекс. 1 – план участка раскопа I с «колодезем» и котлованом 6; 2 – каменная полка из шахты «колодезь»; 3 – горло амфоры из шахты «колодезь»; 4 – «колодезь»; 4 – «колодезь»; 4 – «колодезь». План на уровне костей подростка и быка; 5 – внешние и внутренние фасы стен шахты «колодезь»

1

2

3

Рис. 4. «Южный» культовый комплекс. 1 – вид на «колодец» с юго-востока; 2 – шахта «колодца» на уровне скелета подростка. Вид сверху и с юго-востока; 3 – скелет подростка, вид с востока

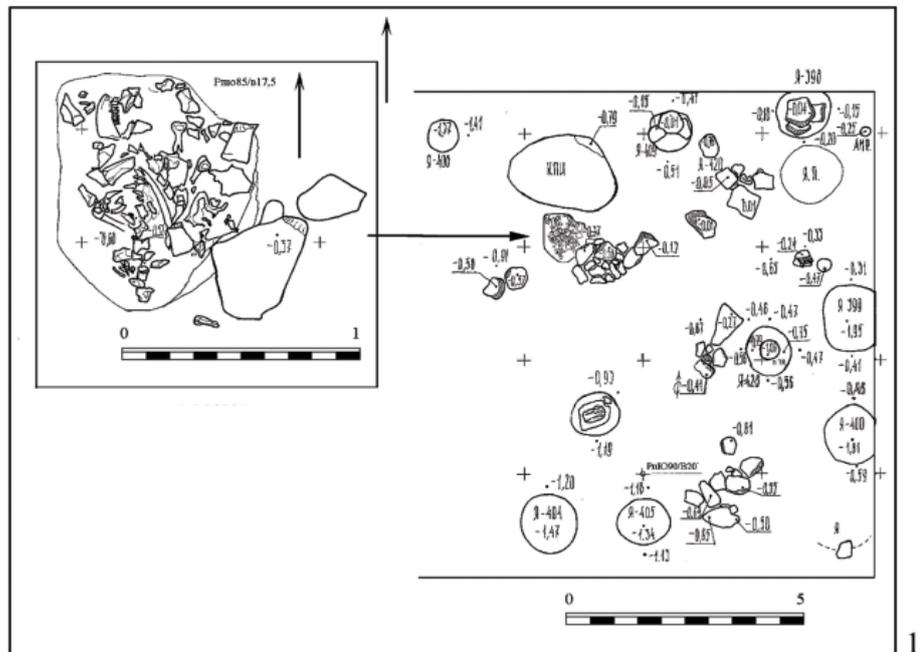

Рис. 5. «Южный» культовый комплекс. 1 – захоронение теленка (коровы). План участка раскопа III и ямы на уровне костей скелета; 2 – захоронение теленка (коровы). Вид с востока

яма с захоронением теленка или комолой коровы – раскопан в 2010 г. (рис. 5)¹⁵. Контуры ямы удалось зафиксировать только ближе к дну, так как участок, где она располагалась, был существенно поврежден более поздними перекопами. Тем не менее удалось установить, что она была впущена с уровня «жилого» горизонта второй половины VIII – первой половины X вв. В плане яма имела форму, приближенную к овалу. Размеры ее составляли 1,08×0,91–0,97 м, глубина – 0,37–0,52 м. В разрезе она имела неправильную трапециевидную форму, а ровное дно – небольшой уклон к югу. Яма была заполнена плотным, глинистым грунтом серо-коричневого оттенка с мелким известняковым щебнем и крошкой, а также немногочисленными фрагментами стенок и профильных частей керамики первых веков нашей эры.

К сожалению, сохранность скелета теленка (коровы), благодаря которому и стало возможным причислить яму к числу культовых объектов, оказалась очень плохой. Большая часть костей была смещена или раздавлена и к тому же перемешана с мелким бутовым камнем. Тем не менее отдельные кости указывают на то, что животное, вероятно, было уложено на левом боку, головой к ССВ.

Второе, исследованное в северо-восточном углу раскопа III, ритуальное захоронение было совершено в античном колодце, который, в отличие от рассмотренного выше «колодца», представлял собой обычное гидротехническое сооружение (рис. 6). Обнаружен он в 2008 г. при зачистке придонной части обширного котлована, образовавшегося в результате выборки камня из античных построек. Котлован диаметром более 10–11 м и глубиной до 1,8 м находился примерно в центре «цитадели» античного городища и был окружен валообразными выбросами из траншей выборок ее крепостных стен и башен. Его заполнял темно-коричневый, почти черный гумусированный грунт, содержащий в большом количестве мелкий известняковый щебень, раковины виноградных улиток, кости животных, обломки стенок античной керамики, амфор причерноморского типа и салтово-маяцких горшков. Здесь же были найдены разрозненные человеческие останки, принадлежащие, по меньшей мере, двум или трем взрослым индивидам, в том числе фрагмент нижней челюсти, обломки черепа (правой теменной кости и задней части левой теменной кости) и четыре фрагмента правой лучевой и локтевых костей.

Колодец ориентирован по оси ССЗ–ЮЮВ. В плане и сечении он имел прямоугольную форму. Горловина шахты на несколько рядов кладки выбрана в древности (рис. 7, 1). Размеры устьевой части на сохранившемся уровне – 2,10×1,30 м. Размеры дна установить не удалось, поскольку колодец по техническим причинам был раскопан не полностью. Его исследованная глубина составила 4,5–6,0 м (12–14 рядов кладки)¹⁶. По этой же причине под вопросом остается и время сооружения колодца, хотя керамика, обнаруженная на уровне его горловины (в заполнении ямы под колодезную шахту), позволяет предварительно говорить о периоде не позднее I–III в. н.э., возможно, даже I–II вв. н.э. В пользу этой даты указывают также особенности техники обработки и укладки камней его шахты, существенно

¹⁵ Винокуров 2011, 61–62.

¹⁶ Этот колодец на раскопе III – третий по счету. Два других найдены ранее (в 2004 и 2006 гг.) в непосредственной от него близости – к юго-западу и северо-востоку. Они также имели прямоугольную форму, но были существенно меньше по размеру, и их борта были облицованы не камнем, а деревянными плахами. К сожалению, полностью раскопать не один из колодцев не удалось.

отличавшиеся от кладки бортов «колодца» с ритуальным захоронением подростка и быка, сооруженного, вероятно, не ранее второй половины VIII в.

Борта колодца сложены из квадров и блоков, установленных логом и тычком однолицевой, однослойной, постелистой кладкой. Углы сложены в перевязь. Вяжущего раствора в кладке не зафиксировано, поскольку щели между камнями затекли глинистым, очень вязким, плотным черным грунтом, который просачивался вместе с дождевой водой, когда колодец уже был заброшен и засыпан.

В кладке бортов колодца использован рыхлый по структуре, но простой в обработке известняк-ракушечник светло-желтого и серого оттенков. Размеры камней варьируются от 0,56×0,52×0,38 м до 0,94×0,54×0,36 м – 0,80×0,44×0,39 м. Обращает на себя внимание наличие в некоторых из них технологических пазов для упора балок деревянных конструкций. На уровне 3-го и 4-го рядов камней кладки вырублена небольшая прямоугольная ниша размерами 0,28×0,14×0,12 м.

Горловина колодца с северной стороны, судя по всему, была намеренно заужена двумя квадратами, установленными под углом друг к другу и для устойчивости зафиксированных в месте сочленения вертикальной плитой-контрофорсом. С западной стороны, в верхнем сохранившемся ряду кладки, для уменьшения размеров шахты использовали три блока, уложенных таким образом, что на одну треть своей ширины они нависали над горловиной колодца. При этом камни верхнего ряда находились, несомненно, во вторичном использовании. На их поверхности остались следы подтесов под круглые и прямоугольные в сечении деревянные балки. Возможно, сужение горловины – результат позднейшей перестройки устьевой части колодца.

Шахта колодца, от верхнего сохранившегося и до одиннадцатого ряда кладки, была заполнена влажным, глинистым грунтом коричнево-черного оттенка с большим количеством бутового камня, кусков серой глины и бытовым мусором, преимущественно керамикой античного времени. На уровне нижнего ряда найдены обломки горловин и стенки двух пифосов, венчики и стенки красноглиняных амфор II–III вв. н.э., амфор с воронкообразным горлом II–IV вв. н.э., узкогорлых амфор с профилированными ручками типов A–D (по Д.Б. Шелову), позднесинопских амфор, а также фрагменты столовой и кухонной посуды. Находок, относящихся ко второй половине VIII – первой половине X вв., за исключением профиля плоского днища сероглиняного лощеного кувшина, не обнаружено. Этот фрагмент, очевидно, отмечает последний этап его засыпки.

Примерно с уровня 3–4-го ряда кладки, среди бутовых камней, были обнаружены черепа и скелеты нескольких десятков собак (рис. 7, 2). При этом большая часть костей, как и черепа, не пострадали, сохранив первоначальное анатомическое сочленение в суставах. Но не один из скелетов полностью расчистить и зафиксировать не удалось, так как в процессе разложения мягких тканей кости проваливались между камнями, образуя аморфные и частично перекрывавшие друг друга скопления, затекшие, к тому же, чрезвычайно вязким черным грунтом. По этой же причине недоступными для фиксации оказались останки нескольких человеческих индивидов, раздавленные черепа которых вместе с отдельными костями конечностей, были найдены на уровне 5–6-го рядов кладки у северной и южной стенки шахты колодца.

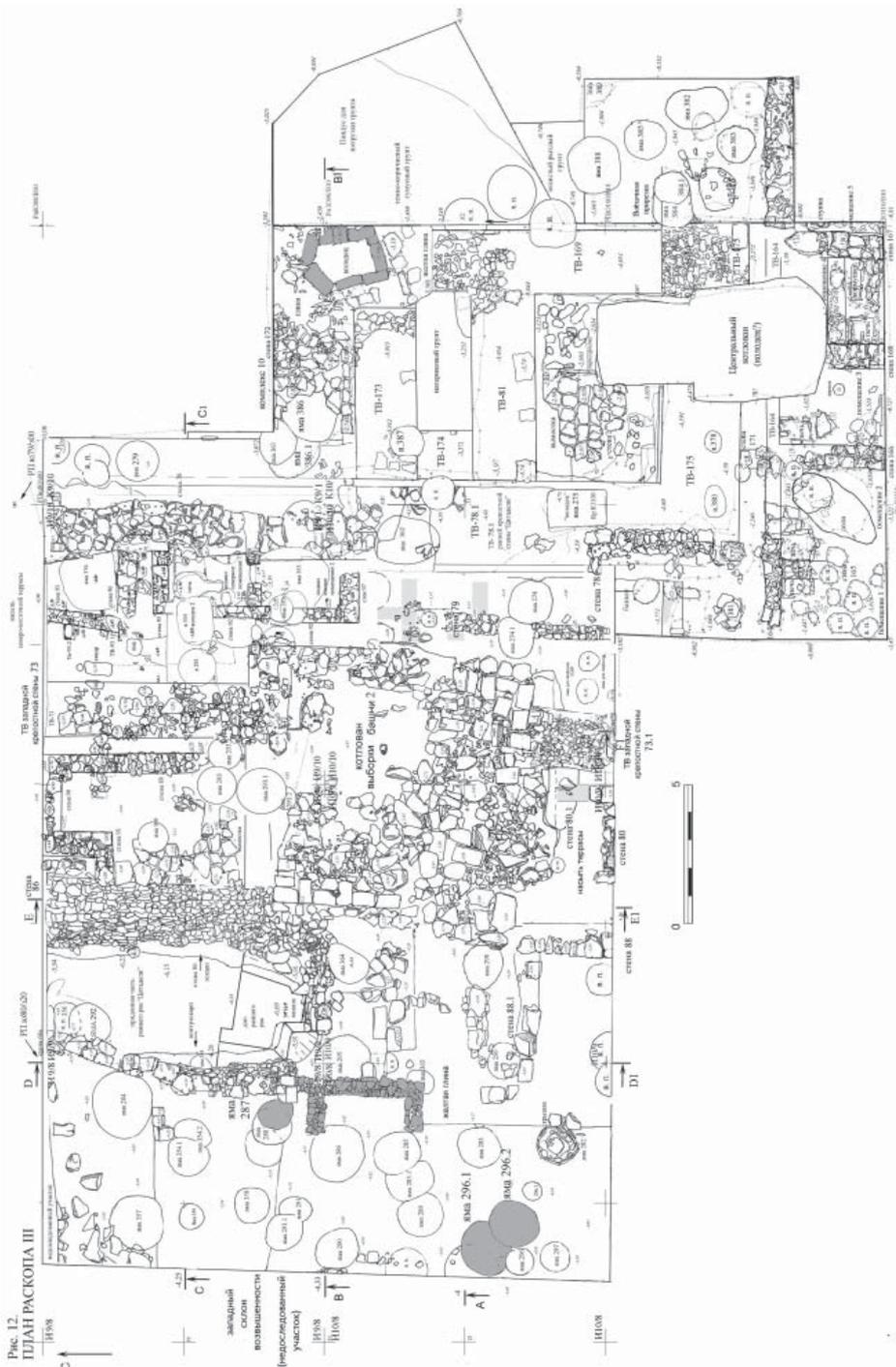
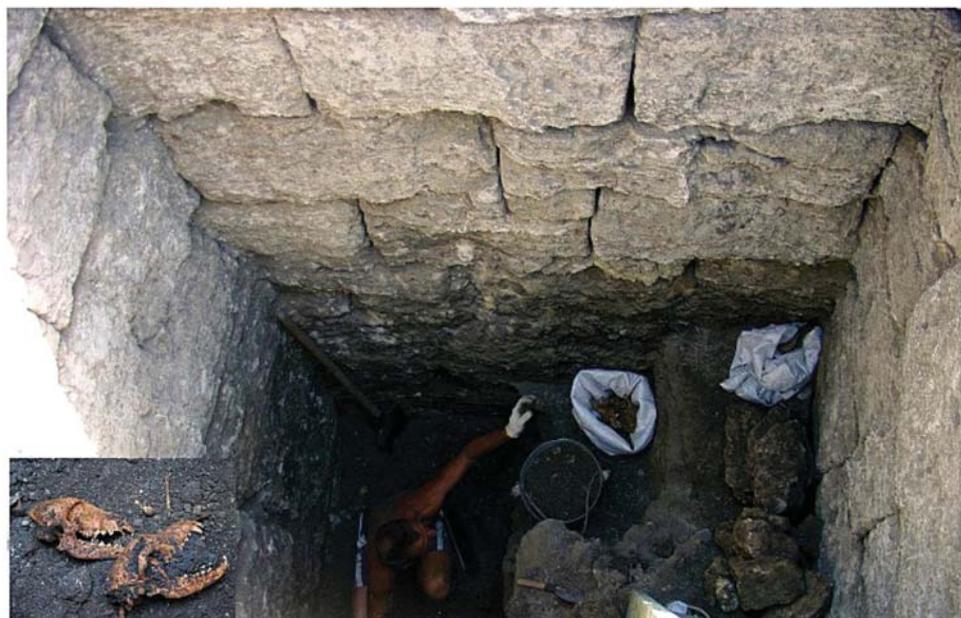

Рис. 6. «Южный» культовый комплекс. План раскопа III с указанием (заливкой серым фоном) комплексов второй половины VIII – первой половины X вв. – усадьбы с двухкамерным домом и колодца с захоронением людей и собак

1

2

Рис. 7. «Южный» культовый комплекс. Колодец с захоронением людей и собак. 1 – вид с северо-запада на горловину колодца; 2 – шахта колодца в процессе расчистки (крупным планом показаны черепа двух собак)

К сожалению, как уже указывалось выше, комплекс доследован не был, тем не менее уже и на этом этапе его расчистки есть все основания утверждать, что частично засыпанный колодец был использован для ритуального захоронения людей и собак. К сожалению, находок, относящихся к этому времени, в его заполнении было обнаружено немного. Поэтому датировать захоронение можно лишь в общих пределах – между второй половиной VIII – первой половиной X вв. При этом следует отметить, что сам колодец был возведен, вероятно, в первые века нашей эры.

Второй выделенный на поселении культовый комплекс получил условное наименование «юго-восточный». Он был обнаружен на раскопе I примерно в 10–15 м к северо-востоку и востоку от «южного» культового комплекса. В комплекс условно включены ямы 120 и 108, а также котлованы 1–4, расположенные к северо-западу и югу от них (рис. 2).

В северо-западной части комплекса находилась яма 120 – наиболее его яркий и представительный, с точки зрения обнаруженных находок, объект (рис. 8; 9). В плане она имела округлую форму, в разрезе колоколовидную. Верхняя ее часть уничтожена дренажной траншеей кладбища XIX в. деревни Паша-Салын. Размеры ямы на верхнем, сохранившемся уровне 1,26×1,29 м, на уровне дна – 1,56×1,58 м. Глубина ее уцелевшей части – 0,53 м. Дно имеет заметный уклон к северу. На дне ямы, в юго-восточной ее части, находились две разбитые причерноморские амфоры с бороздчатым рифлением (рис. 10, 1–2). Среди обломков одной из них обнаружен скелет щенка собаки в возрасте 4–5 месяцев. Судя по его положению, он был помещен в амфору, головой вниз.

Развал амфор был перекрыт плотной каменной забутовкой, пространство между камнями которой было заполнено гумусированным рыхлым грунтом серо-желтого оттенка. Мощность завала составляла 0,30–0,42 м. В нем были найдены древесные угли, обломки античной керамики, кости крупного рогатого скота (ребра, фрагменты челюстей и трубчатых костей коровы), а также ребра и фаланги пальцев ребенка.

На каменном завале вдоль восточного борта ямы расчищено пять детских, плохо сохранившихся черепов (рис. 8, 1; 9, 1). Они были установлены на основании лицевым отделом на восток и ВСВ. Лицевой отдел одного из черепов разрушен и продавлен внутрь. Судя по молочным зубам, они принадлежали детям, возраст которых составлял 2–3 года, 3–4 года, 4–5 лет и 5–6 лет.

К северо-западу от последнего – пятого черепа обнаружен скелет собаки, сохранившийся в полном анатомическом порядке. Она была уложена на правом боку, ее скелет вытянут в направлении запад – восток и ориентирован головой на запад. Передние лапы сложены вместе – одна на одной, задние упираются в восточный борт ямы. Шкура с нее при захоронении не снималась, поскольку *in situ* были найдены когти.

Под скелетом собаки обнаружены отдельные кости скелета ребенка – верхних конечностей, ключица, позвонки и ребра. На этом же уровне, поверх камней и между ними, в центре ямы и в ее западной половине найдены разрозненные и хаотично разбросанные кости (несколько позвонков, тазовые кости, лопатки, ребра, кости верхних конечностей) еще одного(?) ребенка.

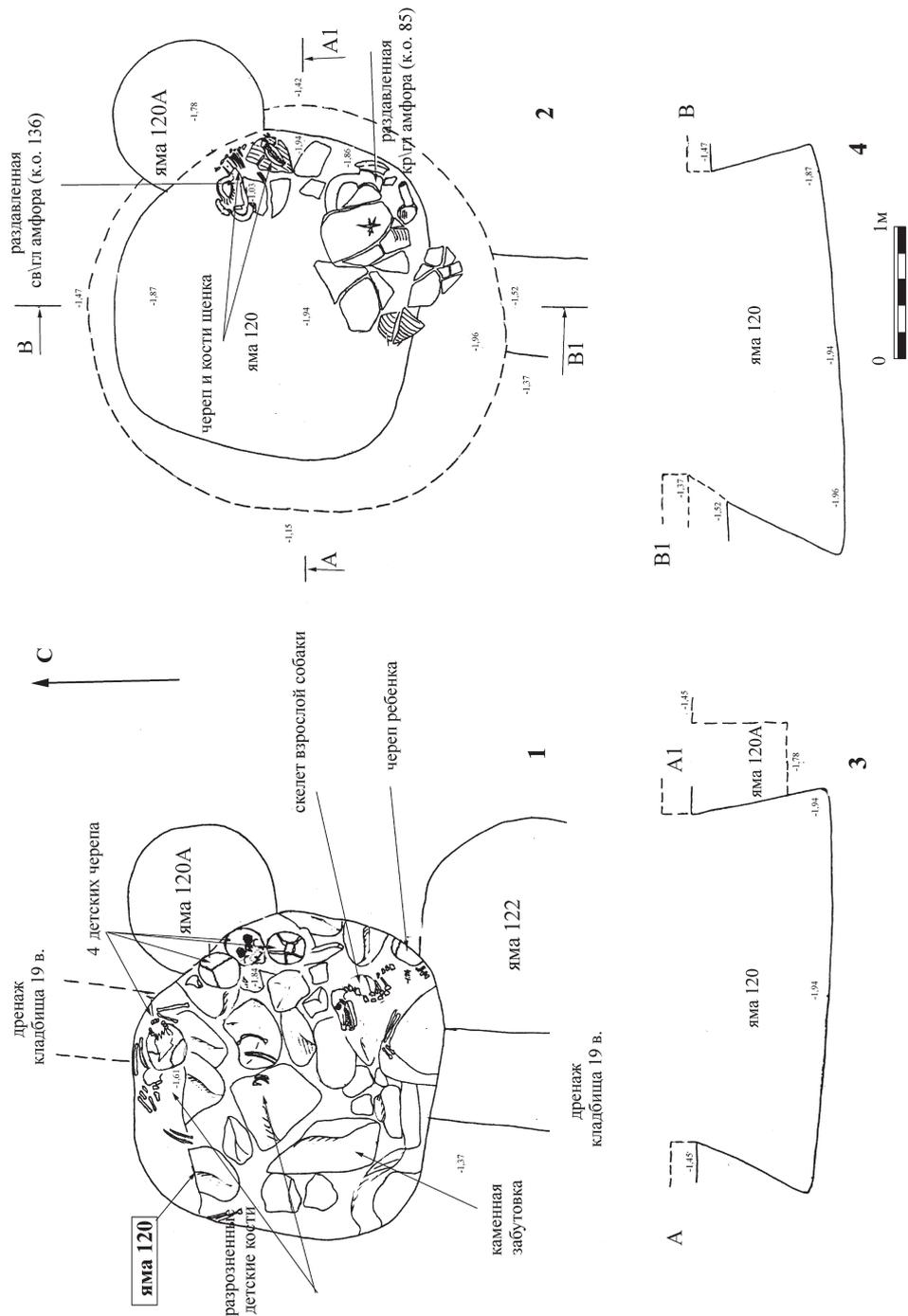

Рис. 8. «Юго-Восточный» культовый комплекс. Яма 120. Планы и разрезы

1

2

Рис. 9. «Юго-Восточный» культурный комплекс. Яма 120. 1 – вид с юга; 2 – вид с северо-запада

Таким образом, основная сакральная нагрузка в этом, по-видимому, стержневом для «юго-восточного» культового комплекса, ритуальном захоронении отводилась собакам (взрослым особям и щенкам) и детям в возрасте от двух до шести лет, тела которых были ритуально расчленены на птоματοлогической стадии некрологического цикла.

Находки из других объектов, включенных в состав «юго-восточного» комплекса, – ямы 108 и котлованов 1–4 не имеют, в отличие от ямы 120, столь явного сакрального облика. В этом ключе их можно идентифицировать только как остатки тризн, совершенных в момент захоронения детей и собак, при этом откровенно бытовой характер находок оставляет широкие возможности для дальнейшей дискуссии.

Яма 108 находилась в 4,80 м к востоку от ямы 120. В плане она имела округлую форму, в разрезе грушевидную. Верхняя ее часть не сохранилась. Нижняя часть ямы, выкопанная в материковой глине, прослежена в виде округлого пятна серо-коричневого оттенка размерами 1,10×1,37 м. Диаметр дна – 1,69 м. Глубина сохранившейся части ямы – 1,49 м. Заполнена она была золистым плотным грунтом серо-желтого оттенка с включениями костей животных (трубчатых костей, ребер, челюстей и зубов мелкого и крупного рогатого скота), раковин виноградных улиток, створок мидий, бесформенных кусков печины и стекловидного пористого шлака, а также фрагментов античной и раннесредневековой керамики.

Сюда же были сброшены крупные обломки шести причерноморских бороздчатых амфор, часть которых удалось склеить (рис. 10, 3–8). Античная керамика, попавшая в заполнение ямы как примесь «снизу», представлена обломками черепицы, амфор первых веков н.э. (рис. 11, 3), столовой красноглиняной посуды, краснолаковых (рис. 11, 1) и лепных сосудов. Помимо керамики в заполнении ямы найдены обломки железных гвоздей (рис. 11, 2), фрагмент изделия из белого мрамора (рис. 11, 4), абразивный камень из морской гальки (рис. 11, 5), метательное ядро из песчаника (рис. 11, 6), а также обработанная кость (лопатка) с нарезками по боковой грани (рис. 11, 7) и трубчатая кость с насечками на одной из сторон, вероятно, использовавшиеся для обработки сырой кожи (рис. 11, 8)¹⁷. Датировать большинство из этих находок не представляется возможным, поскольку в равной степени их можно отнести как к античной, так и к раннесредневековой эпохе. Исключение, пожалуй, можно сделать только для трубчатой кости с насечками (рис. 11, 8), аналогии которой найдены в Таматархе и Саркеле – Белой Веже¹⁸.

Помимо ям 120 и 108 в состав комплекса условно включены обширные котлованы 1–4, хотя, как уже упоминалось выше, прямых и надежных свидетельств в пользу того, что они были задействованы в каких-либо ритуалах или обрядах, получить не удалось (рис. 2). В плане они имели форму, приближенную к трапеции или овалу, а в сечении, за счет сужавшихся книзу бортов, трапециевидную форму. Размеры котлована 1 – 1,19×1,31 м, глубина – 2,31 м; котлована 2 – 2,21×4,27 м, глубина – 2,54 м; котлована 3 – 2,98×3,71 м, глубина – 1,11 м; котлована 4 – 2,27×1,21 м, глубина – 0,29–0,76 м. Заполнены они были золистым мелкодисперсным грунтом с линзами черного цвета и темно-коричневого оттенка, а также прослойками гумуса, бутовым камнем и щебнем. В нем обнаружено большое количество бытовых

¹⁷ Винокуров 2004, 72, рис. 15.

¹⁸ Флерова 1996, 285–286; Чхаидзе 2008, 222, рис. 126, 1–4.

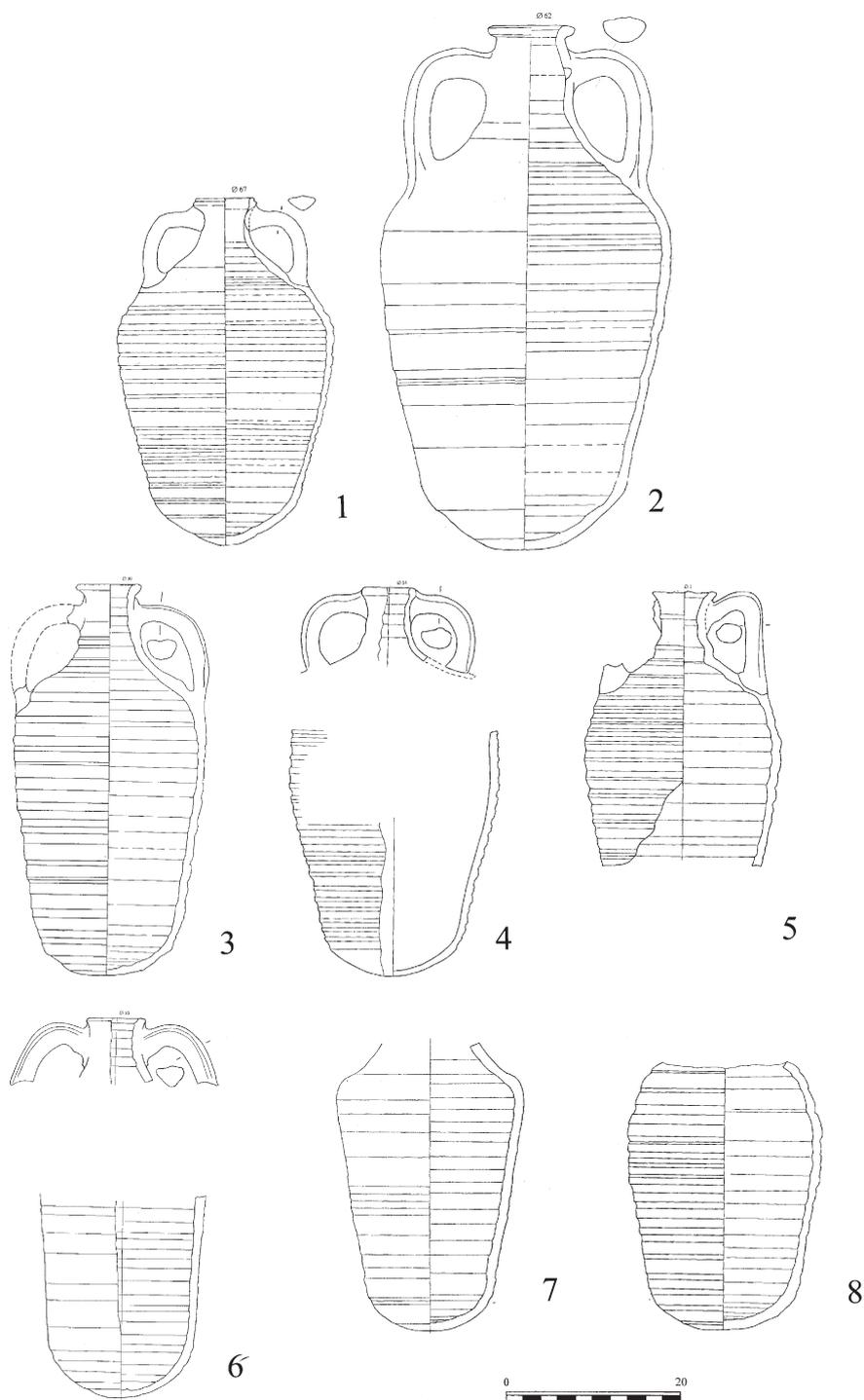

Рис. 10. «Юго-Восточный» культовый комплекс. 1–2 – амфоры из ямы 120; 3–8 – амфоры из ямы 108

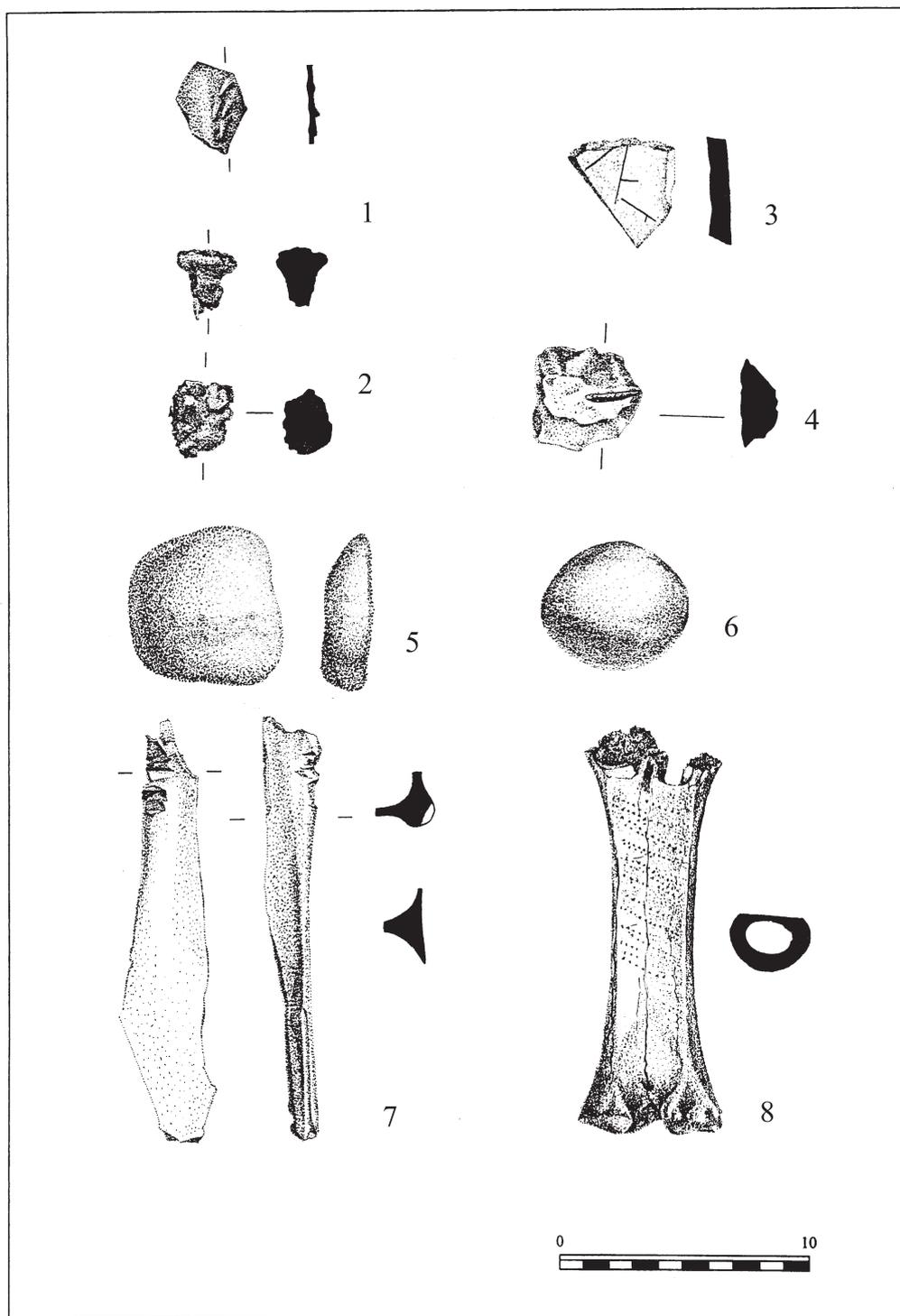

Рис. 11. «Юго-Восточный» культовый комплекс. 1-8 – находки из ямы 108

отходов с включениями кусков пористого стекловидного шлака, древесных углей, отходов металлургического производства, конкреций ожелезненных песчаников, обломков печины, рыбных костей, створок раковин мидий, пережженных костей животных и птиц, в том числе со следами обработки. Изредка встречались куски кристаллического гипса, месторождение которого известно в 12 км к северо-западу от городища в районе урочища Сююрташ, а также пластины слоистого мергеля розового и бежевого оттенков. Среди находок в засыпи котлованов, повредивших и частично выбравших ямы античного времени, преобладали обломки разновременной античной керамики. Керамические изделия второй половины VIII – первой половины X вв. представлены фрагментами красноглиняного пифоса (рис. 13, 1), причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 12, 1–2; 13, 1–7), высокогорлых кувшинов с плоской ручкой (в котловане 1) (рис. 12, 3), ойнохой скалистинского типа (рис. 12, 6), горшков и горшочков с шаровидным или яйцевидным туловом с пальцевым вдавлением на месте верхнего крепления ручки (рис. 12, 4–5)¹⁹, салтово-маяцких горшков (рис. 12, 7–13; 13, 8–11) и лепного светильника овально-конической формы и плоским дном²⁰. Здесь же найдены стенки стеклянных рюмок и бокалов изумрудно-зеленого и оливково-зеленого оттенков²¹, а также два грубо обработанных обломка стенок амфор диаметром 2,8 см (котлован 2), атрибутируемых как «фишки» или заготовки для пряслиц (рис. 13, 12–13)²². Находки в котлованах 1 и 2 фрагментов высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, включая и профильный фрагмент горла, свидетельствуют в пользу того, что, по крайней мере, два из них были засыпаны не ранее второй половины IX в. Однако, для «юго-восточного» культового комплекса в целом и ямы 120, в частности, получить узкой даты не удалось.

Последний рассматриваемый нами культовый объект атрибутирован как жертвенник. Он был обнаружен в 1989 г. на раскопе I к северо-востоку от котлована 7 и к северо-западу от котлована 2, включенных в состав «южного» и «юго-восточного» культовых комплексов (рис. 2; 13, 15). В качестве жертвенника была использована каменная переносная поилка (или кормушка) для скота, перекрытая известняковым ротационным жерновом диаметром 0,54 м и толщиной 0,09 м. Поилка была вырублена из известнякового блока и имела прямоугольную форму. Внешние ее размеры составляли 0,62×0,51×0,24 м. Заполнена она была рыхлым золистым грунтом, находки из которого представлены костями птицы, несколькими костями мелкого рогатого скота и профильными частями и стенками трех сероглиняных ойнохой. Несколько десятков фрагментов идентичных ойнохой были найдены вокруг поилки. Поскольку жертвенник находился довольно далеко и примерно на равном удалении от «южного» и «юго-восточного» культовых комплексов, его логично рассматривать как самостоятельный, изолированный от других объект.

Таким образом, помимо четырех грунтовых могил в центральной части поселения Артезиан, удалось выделить несколько культовых объектов, большая часть

¹⁹ Рыжов, Седикова 1999, 321–322, 324, рис. 7; 10, 9, 10; Нессель 2006, 102, рис. 23, 1–6; Науменко 2009б, 63–64.

²⁰ Плетнева 1959, 252–253, рис. 38, 1–3; Зинько, Пономарев 2008, 428, рис. 7, 5.

²¹ Веймарн, Айбабин 1993, 194–195, тип II, вариант 1–1; 2–1.

²² Нидзельницкая, Кулаков 2013, 42; Пархоменко 1985, рис. 7, 9–10.

которых представляла собой ритуальные комбинированные захоронения животных и людей или их частей.

До этого на Керченском полуострове подобные культовые комплексы были открыты на городищах Тиритака, Мирмекий, поселениях Героевка-2, Эльтиген-Западное, Южно-Чурубашское и Пташкино. В 1932 г. в нескольких десятках метрах к западу от городища Тиритака Ю.Ю. Марти раскопал ритуальное захоронение, совершенное в яме размерами 1,7×2,0 м и глубиной (от современной дневной поверхности) 2,5 м²³. На полу, ближе к бортам ямы, под небольшим каменным завалом, были обнаружены девять человеческих и два собачьих черепа. В центре находился известняковый ротационный жернов. В восточной части ямы найдена фаланга пальца с надетым на нее бронзовым перстнем с четырьмя лапками-зажимами и синей стеклянной вставкой. Ю.Ю. Марти, видимо, рассматривал этот комплекс как рядовое погребение, поскольку в отчете о раскопках он назван могилой. Однако от обычного грунтового салтово-маяцкого захоронения его отличают не только внушительные размеры, но и необычный состав находок. Возможно, этот комплекс был связан с аграрным культом, поскольку, в отличие от захоронения в яме 120 на городище Артезиан, немаловажная сакральная нагрузка в нем возлагалась на жернов. Именно он был уложен в центре, а человеческие и собачьи черепа установили вокруг него²⁴.

Второе ритуальное захоронение отдельных частей скелета животного и человека обнаружено В.Н. Зинько на самом городище Тиритака, в раскопе XXVI. Совершено оно было в яме 17, находившейся внутри жилой постройки или рядом с ней. На дне ямы найдены челюсть ребенка 5–6 лет и череп овцы с множественными (не менее чем семью) повреждениями, нанесенными как минимум двумя острыми предметами, а в заполнении – кости животных, створки раковин мидий, фрагменты ойнохой скалистинского типа и салтово-маяцких горшков²⁵.

Третье ритуальное захоронение, но уже без участия животных, исследовано В.Ф. Гайдукевичем на северном участке городища Мирмекий. Совершено оно в яме (частично разрушенной), на дне которой были найдены человеческий череп, ротационный известняковый жернов и фрагменты двух причерноморских амфор²⁶.

Еще два комплекса, представлявших собой захоронения животных и частей их скелета, обнаружены на поселении Героевка-2. В одном из них – яме, впущенной в насыпь кургана на северной окраине поселения, находились черепа двух лошадей и пяти коров²⁷.

Южнее, на территории хозяйственного двора обособленной усадьбы, в ритуальных целях были использованы две заброшенные, но еще не засыпанные на тот момент хозяйственные ямы. В яме 14 были найдены полные скелеты двух собак возрастом 1,5–2 года, а в яме 15 – кости еще пяти собак, крупная плечевая кость быка и ротационный жернов²⁸.

²³ Марти 1941, 32.

²⁴ Пономарев 2001, 30–31; 2009, 500–501.

²⁵ Зинько, Пономарев 2009, 25, рис. 86; Пономарев 2009, 92.

²⁶ Гайдукевич 1987, 165.

²⁷ Зинько 1994, 126; Зинько, Пономарев 2005, 245, рис. 19.

²⁸ Зинько, Пономарев 2005, 242–243.

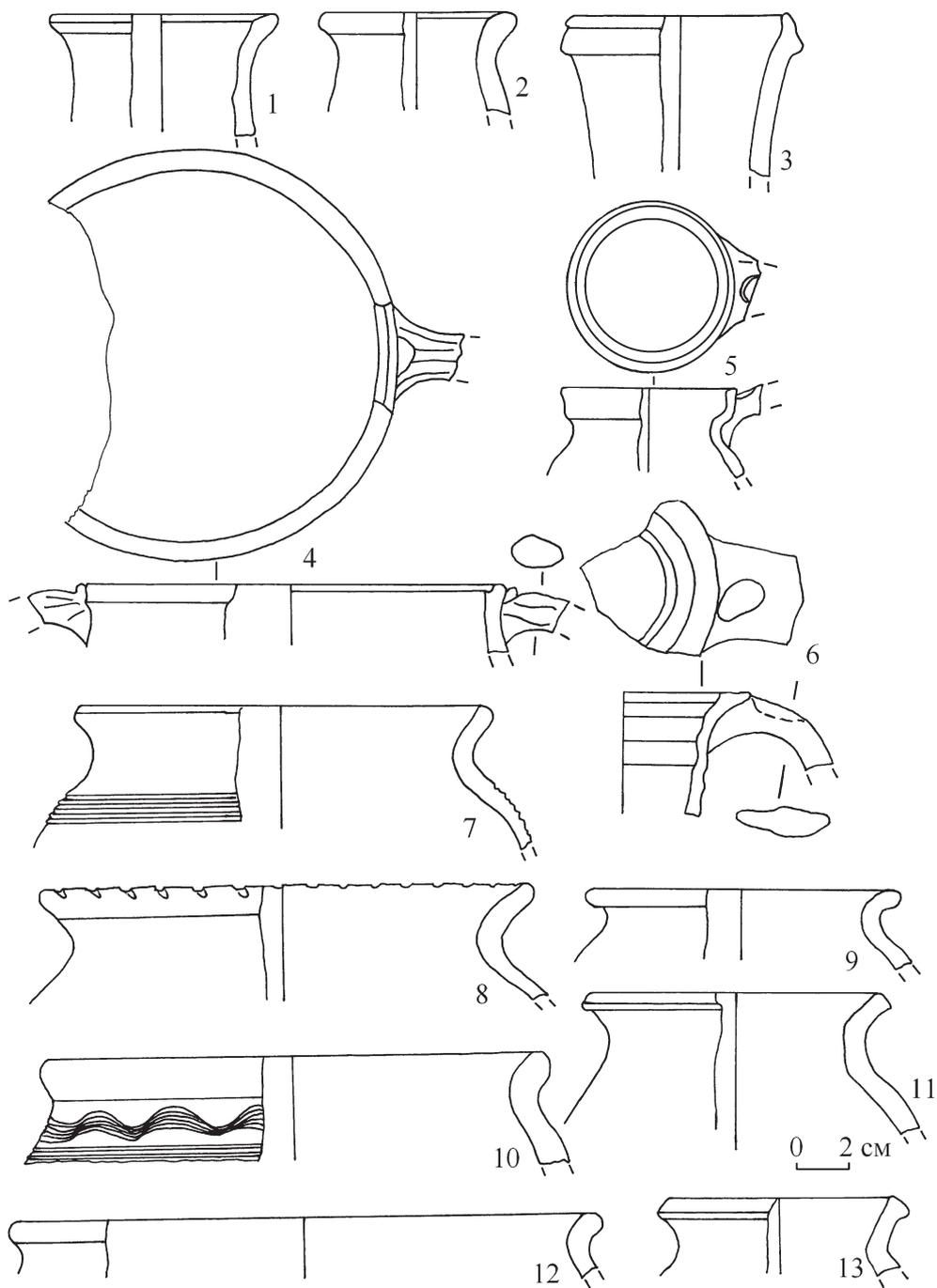

Рис. 12. «Юго-Восточный» культовый комплекс. 1-13 – керамика из котлована 1

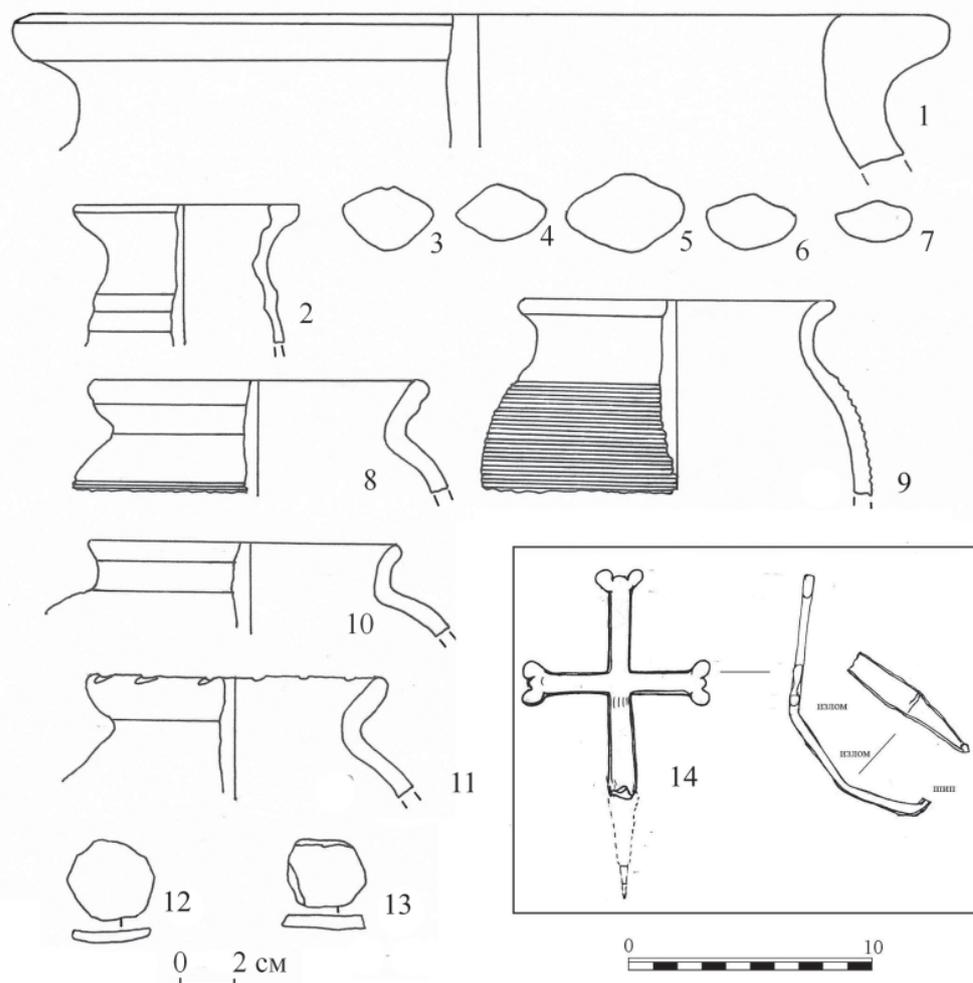

Рис. 13. 1–13 – находки из котлована 2; 14 – железный крест из раскопа II; 15 – жертвенник из раскопа I. Вид с запада

К числу культовых объектов относятся также захоронения коней, обнаруженные на трех поселениях. Пять безинвентарных конских захоронений VIII–IX вв. раскопаны на Мирмекии. Первое – на территории античной винодельни в северной части городища²⁹, остальные четыре – к востоку от скального выступа Карантинного мыса. Под головой одного из коней была уложена известняковая поилка или кормушка³⁰. Еще два конских захоронения найдены на поселении Эльтиген-Западное (некрополь античного городища Нимфей). Лошади были уложены головой на юго-восток, на правом боку с подогнутыми ногами. Датируют их детали уздечного набора – железное кольцо и удила³¹. Последнее известное нам погребение коня, уложенного головой на север, раскопано В.Н. Зинько в заполнении помещения 3 заброшенной античной усадьбы на Южно-Чурубашском поселении³².

Завершая краткий обзор культовых комплексов салтово-маяцких поселений Керченского полуострова, можно упомянуть еще об одной спорной находке. На вымостке пола северного неффа христианского храма, раскопанного А.В. Гадло на поселении Пташкино, были обнаружены кости ноги лошади, сохранившиеся в полном анатомическом порядке. По мнению исследователя, при помощи такого языческого жертвоприношения его жители выразили свой пиетет к заброшенной на тот момент культовой постройке³³. Столь необычная интерпретация вызвала вполне оправданные возражения у С.Б. Сорочана³⁴. Однако, возможно, в какой-то степени был прав и А.В. Гадло. Напомним, что кости ноги лошади были найдены в анатомическом порядке, то есть, она была закопана, в противном случае ее наверняка разорвали бы собаки или дикие хищные животные. Тем более ее нельзя рассматривать как пищевые отходы, поскольку конечность в таком случае разрезали бы по суставам, и найдена она была бы в виде отдельных или раздробленных костей, как это обычно и встречается на салтовских поселениях. Иными словами, можно допустить, что, не имея отношения к храму, эта находка в действительности могла быть связана с каким-то ритуальным действием³⁵.

Таким образом, с учетом поселения Артезиан, на Керченском полуострове удалось выделить довольно многочисленную и разнообразную группу салтово-маяцких культовых комплексов. При этом, как уже упоминалось выше, памятники «хазарского» времени в этом регионе изучены еще очень слабо. Следует также отметить, что в Крыму, за пределами Керченского полуострова, такого рода комплексы еще не выделены, по крайней мере, ни один из них не опубликован. Близкие по характеру, хотя далеко не всегда бесспорно причисляемые к сакральным комплексам, объекты найдены на степных и лесостепных памятниках салтово-маяцкой культуры. Как и на Керченском полуострове, большая их часть может представлять собой ритуальные захоронения, анализ которых свидетельствует о

²⁹ Гайдукевич 1937, 229, рис. 8.

³⁰ Бутягин 2003, 64; Бутягин, Чистов 2004, 77; Бутягин, Виноградов 2006, 47.

³¹ Грач 1999, 38, 40, табл. 12.

³² Пономарев 2009, 512.

³³ Гадло 1980, 137, 143.

³⁴ Сорочан 2004, 414.

³⁵ В этом контексте вполне показательна группа неглубоких ям с частями туш лошадей, обнаруженная А.В. Гадло на территории плитово-грунтового могильника поселения Героевка-2. Исследователь рассматривал их как остатки поминальных трапез, «зарытых рядом с покойником» (Гадло 2004, 107).

том, что в связанных с ними обрядах основное внимание акцентировалось на приносимой жертве, в качестве которой были задействованы человеческие индивиды любых возрастных категорий и домашние животные – крупный и мелкий рогатый скот, лошади, свиньи и собаки.

Так, к примеру, на Маяцком селище № 2 В.К. Михеевым раскопана яма 53, в подбое которой было уложено четыре человеческих черепа. Здесь же были найдены керамические сосуды и многочисленные изделия из железа со следами нагара³⁶. На Маяцком поселении А.И. Милютиным исследована яма с черепом и позвонками человека, костями двенадцати коз и челюстями трех свиней³⁷. На полу одной из построек, раскопанной в цитадели Верхнесалтовского городища, найдены кисть левой руки человека и кости животных³⁸. У юго-западной стены Саркельского городища обнаружено погребение женщины с фрагментами скелетов двух собак в круглой яме³⁹. Еще в одной яме вокруг скелета женщины найдены кости коровы. Все скелеты – людей и животных – ритуально разрушены⁴⁰. На поселении Пятницкое-I в яме обнаружено ритуальное захоронение обезглавленного тела с раскинутыми руками и согнутыми в коленях ногами. Здесь же найдены еще три человеческих черепа, фрагмент нижней челюсти лошади и скелет небольшой собаки⁴¹.

Важнейшая роль в таких захоронениях, надо думать, отводилась человеческим жертвоприношениям, и прежде всего детям и подросткам, ритуальные действия с которыми считались наиболее благоприятными, а поэтому практиковались с глубокой древности многими народами⁴². В некоторых случаях считалось вполне достаточным принести в жертву отдельные части тела человека. При этом особое значение придавалось черепу (или голове), которые рассматривались как эквивалент – полноценный заместитель существа и средоточие жизни. Поэтому они наделялись мощной жизненной и сакральной силой или олицетворялись с духом и божеством⁴³. Представления об их особых сакральных функциях в различных эпохах и у многих народов едва ли не универсальны, а традиция захоронения головы отдельно от тела восходит к культурам эпохи мезолита и неолита⁴⁴. Многочисленные свидетельства распространения этого культа зафиксированы и в ритуальной практике салтово-маяцкого населения⁴⁵.

Далеко не последнее место в «кровавых» ритуалах салтовского населения занимали собаки, поскольку при жизни им доверялся целый ряд ответственных функций, в том числе по управлению и охране стада, а также охране жилища и человека⁴⁶. Об особом отношении к ним свидетельствуют и древние болгарские ис-

³⁶ Михеев 1985, 17, рис. 16, 5; Аксенов 2003, 66–67, рис. 1, 1.

³⁷ Милютин 1909, 158; Винников, Плетнева 1998, 109–110.

³⁸ Чернигова 2002, 255, рис. 1, 2.

³⁹ Артамонова 1963, 205–206, рис. 138; Плетнева 1996, 81, 83, рис. 22.

⁴⁰ Артамонова 1963, 185, 186, рис. 7; Плетнева 1996, 83.

⁴¹ Квитковский 2011а, 16, рис. 2; 2011б, 168–169, рис. 1; 2012, 26–28, рис. 2; 3.

⁴² Велецкая 1984, 81–84; Тульпе 1998, 53; Козлов 2013, 65–70; Бессонова 1992, 11–12.

⁴³ Раевский 2006, 409; Носенко 1990, 108–109; Антонова 1979, 17–18; Алекшин 1994, 175.

⁴⁴ Петрухин 2007, 4; Алекшин 1990, 38; Антонова 1990, 43–49; Медникова 2010, 98–99; Штернберг 1936, 303; Леви-Строс 1983, 167; Гуцал 2004, 36–39.

⁴⁵ Аксенов 2003, 67; Михеев 1990, 48.

⁴⁶ Плетнева 2004, 67; Михеев 1985, 28.

точники⁴⁷. В ритуальной практике многих древних народов собака выступала как сакральное животное и служила в качестве приношения высшим силам или проводника в потусторонний мир⁴⁸. Одновременно у земледельческих народов образ собаки – охранительницы людей, имущества, полей и посевов рассматривался как составная часть культа плодородия, зерна и земли⁴⁹.

На салтово-маяцких поселениях ритуальные захоронения с собаками, иногда вместе с человеком или другими животными, устраивали в жилищах и около жилищ в хозяйственных и специально вырытых для этой цели ямах.

Хозяйственные ямы с захоронениями собак и лошадей найдены на поселении Пятницкое-I⁵⁰. На Маяцком поселении скелет собаки зачищен в одном из жилищ возле очага⁵¹. На Сухогомольшанском селище раскопано погребение собаки в круглой яме, а на Самбекском городище – совместное погребение собаки и свиньи, а также индивидуальные захоронения собак, причем у одной из них отсутствовали голова и нижние части лап⁵². Захоронения собак в ямах обнаружены также на некоторых других салтово-маяцких поселениях Северского Донца и предшествующих им по времени поселениях пеньковской культуры⁵³. На поселении у хут. Фоменко в Приазовье захоронение собаки найдено рядом с хозяйственной ямой⁵⁴. Еще несколько ям с захоронениями собак зафиксировано на поселении у г. Константиновск Ростовской области. В одной из них, помимо скелета щенка, находилась голова крупной птицы⁵⁵. На поселении Октябрьское I раскопана яма с полным скелетом собаки, между конечностями которой находились кости быка⁵⁶. На поселении у ст. Богоявленской найдено захоронение домашних животных в яме – коровы и собаки, которая челюстями плотно охватывала ее заднюю конечность. По мнению В.С. Флерова, имитированная в захоронении сцена представляет собой жертвоприношение, связанное со скотоводством⁵⁷.

Особенно много ритуальных комплексов с участием собаки раскопано на Саркельском городище. Четыре захоронения собак в круглых ямах обнаружены у его юго-западной крепостной стены. Одно из них подвергнуто ритуальному разрушению⁵⁸. В яме у рва Саркельской крепости обнаружена яма 13, в которой на слое золы зачищены кости коров, лошади и собаки⁵⁹. В другой, раскопанной на городище, яме было сожжено более 20 молодых овец, телята и собака, а в ямах четырех металлургических горнов оказались череп собаки, череп, фрагменты нижних челюстей и разрозненные кости ног коней⁶⁰.

⁴⁷ Бешевлиев 1930, 25; Рашев 2008, 305.

⁴⁸ Ашихмина 1996, 106–107; Крижевская 1990, 46; Жельвис 1984, 135; Щепанская 1993, 71–79.

⁴⁹ Рыбаков 1965, 27; 1981, 207; Чибиров 1983, 100; Высотская 2004, 65–66; Соколова 1972, 6.

⁵⁰ Квитковский 2011а, 15.

⁵¹ Михеев 1985, 28.

⁵² Михеев 1985, 28.

⁵³ Михеев, Приходнюк 1986, 77–78; Любичев 2001, 4–5, рис. 3, 1.

⁵⁴ Флеров 1971а, 102.

⁵⁵ Флеров 1995, 89.

⁵⁶ Белинский, Кулаков 2013, 152, 162, рис. 7.

⁵⁷ Флеров 1971б, 261–262, рис. 2.

⁵⁸ Плетнева 1996, 80–81, рис. 26, б; 31, а; Плетнева 2000, 95; 2004, 67–68; Артамонова 1963, 18–19, рис. 8.

⁵⁹ Плетнева 1996, 78, рис. 30, а.

⁶⁰ Плетнева 2004, 67; 1996, 75.

Помимо поселений, захоронения собак (или их частей), часто вместе с лошады, встречаются в катакомбных салтовских могильниках⁶¹.

В то же время не каждое захоронение собаки, видимо, являлось ритуальным. В тех случаях, когда в обычных или заброшенных и частично засыпанных хозяйственных ямах находился скелет только одной особи, такой комплекс вполне мог представлять собой обычное погребение животного, умершего от ран, болезни или старости. Однако, учитывая особый статус этих животных, к любому из них после смерти наверняка относились с должным пиететом.

Свои определенные сакральные функции в рассматриваемых комплексах имели и другие животные – кони, крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, являвшиеся у многих земледельческих народов символом благополучия, плодородия и производящих сил природы⁶². Конь к тому же едва ли не повсеместно связывался с соляным и хтоническим культами⁶³.

Захоронения коней (или частей их туш) обнаружены в постройках и ямах на Саркельском и Дмитриевском городищах. По мнению С.А. Плетневой, они представляли собой «закладные» или «строительные» жертвы, принесенные при сооружении первых жилищ, или служили «оберегом»⁶⁴. Две хозяйственные ямы с ритуальным захоронением лошадей раскопаны на поселении Пятницкое-I⁶⁵. Захоронение практически целого скелета лошади, компактно уложенного в небольшой яме, исследовано на Маяцком поселении⁶⁶. Недалеко от входа в одно из святилищ Маяцкого поселения были обнаружены три свиных черепа, возможно, служившие его оберегами⁶⁷. Рядом со святилищами – постройками 21 и 45 обнаружены жертвенники, представлявшие собой небольшие ямы, в которых расчищены кости лошадей и коз⁶⁸. На полу жилой постройки 6 Маяцкого поселения найдены черепа и скелеты двух коз⁶⁹. На поселении Золотые Горки на Нижнем Дону раскопаны ямы с компактными скоплениями животных или частями их туш. В одной из них обнаружены кости быка, лошади и овцы, в другой – кости одной особи лошади. По мнению В.В. Ключникова, они сформировались в результате однократного ритуального действия, после чего ямы были засыпаны⁷⁰. На Мохначанском городище в жилище на глиняной жертвенной площадке обнаружены фрагменты челюсти коровы, челюсти свиньи и зубы лошади⁷¹. Известны подобные комплексы и на территории могильников. Так, в одной из ям, раскопанных на салтово-маяцком могильнике у с. Тихий Дон, обнаружено ритуальное захоронение частей туши теленка (череп, ребра, лопатки, отдельные кости конечностей). Причем уложены они были в анатомическом порядке. По мнению А.З. Винникова и В.Н. Ковалев-

⁶¹ Плетнева 1989, 206, 241, 243, рис. 112; Винников, Афанасьев 1991, 71; Плетнева 2004, 67; Михеев 1985, 28.

⁶² Чибиров 1983, 97; Воронина 1975, 285.

⁶³ Рашев 2008, 305; Беленицкий 1978, 32–33; Ковалевская 1978, 119.

⁶⁴ Плетнева 1996, 38, рис. 14, б, Плетнева 1989, 53, рис. 23, 3, 4; Винников, Плетнева 1998, 112–114, рис. 42, Г, Д; Плетнева 2004, 67.

⁶⁵ Квитковский 2011а, 15.

⁶⁶ Винников, Афанасьев 1991, 104; Винников, Плетнева 1998, 113–114, рис. 42.

⁶⁷ Винников, Афанасьев 1991, 120; Винников, Плетнева 1998, 88, 206; Матолчи 1984, 255–258.

⁶⁸ Винников, Афанасьев 1991, 122–123, 129–130; Винников, Плетнева 1998, 88–89, 94.

⁶⁹ Винников, Плетнева 1998, 50.

⁷⁰ Ключников 2009, 244–246, рис. 4, 1, 2; 5, 2.

⁷¹ Колода 2001, 129.

ского, этот своеобразный жертвенник призван был маркировать границу могильника⁷².

Большая часть открытых на салтово-маяцких поселениях культовых комплексов являлись объектами «временного пользования», поскольку после совершения ритуала они более не использовались и, по-видимому, как правило, сразу же засыпались. Связаны они были с различными обрядами и верованиями – жертвоприношениями земле, земледельческими и скотоводческими культами плодородия, «стремлением обезопасить себя от злых сил потустороннего мира», желанием задобрить и побудить «к сотрудничеству» божеств и предков⁷³. Животные в таких ритуалах обычно выступали в качестве жертв-даров, которые приносились божеству или божествам с надеждой получить хороший урожай, приплод скота, отворотить беду, стихийные бедствия, болезни или в благодарность за уже «полученные» блага⁷⁴. Таким образом, жертвы, в зависимости от ситуации, приносились с различными целями, отсюда во многом и разнообразие самих комплексов и жертвенных животных. Иногда для достижения какой-то сакральной цели жертва животного казалась недостаточной. В этом случае вместе с ним умерщвляли человека, при этом не только взрослых индивидов, но и подростков, детей, наделявших, видимо, особыми сакральными возможностями.

Сформировавшиеся в процессе одного ритуального акта объекты обнаружены и на городище Артезиан. В силу особенностей расположения они были объединены в два культовых комплекса, находившихся недалеко друг от друга в центральной части поселения. Включенные в их состав культовые объекты по большей части представляли собой ритуальные захоронения, которые были совершены в заброшенном античном колодце, сооружении, напоминающем колодец, ямах и расположенных рядом с ними котлованах, образовавшихся на месте добычи камня из античных построек. В двух из них принесена совместная жертва людей и собак, в двух других – человека и быка, еще в одном комплексе – человека и лошади. И только в одном случае ритуальное действие обошлось без человеческой жертвы, в качестве дара божеству была принесена корова или теленок. Иными словами, помимо человека, в жертву приносились едва ли не все домашние животные – собаки, лошади и крупный рогатый скот⁷⁵. Основными составляющими такого действия являлись их убийство (зачастую с расчленением) и только затем уже дарение в качестве умиловительной жертвы, жертвы, побуждающей внимание богов, жертвы как доли божества и предков или благодарственной жертвы. Возможно,

⁷² Винников, Ковалевский 2007, 54–55

Использовались домашние животные и в погребально-поминальной практике, в том числе и в качестве сопроводительной пищи (Сарапулкин 2006, 202, рис. 3, 1; Плетнева 2000, 76; Красильников 1991, 66, 74; Афанасьев 1993, 86, табл. 29; Савченко 1986, 75). Совершенно иной сакральный смысл закладывался в захоронения коней, совершенные в погребальных комплексах или в индивидуальных ямах на территории могильников. Одновременно, как и другие животные, они могли предназначаться для поминальной трапезы или сопровождать погребенного человека в качестве жертвенной пищи, но в этом случае их туша расчленялась (Аксенов 1995, 10–12; 1998, 4–9; Аксенов, Крыганов, Михеев 1996, 123–127; Баранов 1989, 73; Пономарев 2011, 291; ср.: Нестеров 1990, 10–12).

⁷³ Русанова, Тимошук 2007, 39

⁷⁴ Дмитриева 2000, 13.

⁷⁵ Не удалось пока зафиксировать следы ритуальных действий, в которых были бы использованы свиньи и мелкий рогатый скот, но это, надо думать, вопрос времени, в чем убеждает ритуальное захоронение с черепом овцы, открытое на городище Тиритака (Зинько, Пономарев 2009, 25).

также жертва могла исполнять роль посредника, посланника или сопровождающего, в том числе и транспортного средства в потусторонний мир⁷⁶.

К сожалению, для каких конкретно целей предназначался тот или иной культовый объект и кем являлся его адресат, можно только гадать, поскольку языческие верования и обряды народов салтово-маяцкой культуры очень слабо отражены в письменных источниках⁷⁷. Впрочем, это вряд ли были строительные жертвы и обереги, поскольку ни один из культовых объектов не был напрямую связан с расположенными поблизости жилыми и хозяйственными постройками и тем более расположен в них. Скорее всего, большая часть из них исполняла некие связующие функции между данным человеческим коллективом и окружающим его миром (природой) и в первую очередь могла быть связана с земледельческими и животноводческими культами плодородия, «обеспечивавшими» в языческом сознании жителей поселения не только благосостояние, но и дальнейшее существование общины.

При этом важно отметить, что в отличие от ярких свидетельств языческих культов, не удалось пока обнаружить каких-либо материальных следов распространения среди жителей поселения христианской идеологии⁷⁸. Не найден рядом с поселением и христианский плитовый могильник, обычный для многих других салтово-маяцких поселений Керченского полуострова⁷⁹. В то же время на его территории были совершены одиночные ритуальные захоронения подростка, мужчины и женщин. Вряд ли тех, кто их совершил, собственно как и самих погребенных, можно назвать адептами христианской идеологии. По-видимому, ее приверженцев среди жителей поселения было немного, или же новое вероучение воспринималось ими поэтапно, органично переплетаясь с прежними обычаями⁸⁰. Не исключена также вероятность, что отдельных элементов христианских обрядов они придерживались формально, поэтому изменения в их мировоззрении носили не только частичный, но и показной характер⁸¹. Можно также предположить, что, несмотря на длительные и тесные контакты с «провинциальным византийским миром», прежде всего городским, имеющим глубокие христианские корни населением г. Боспора, какая-то часть жителей салтово-маяцких поселений Керченского полуострова до конца продолжала придерживаться традиционных для них культов и верований, при этом толерантно сосуществовала с соплемен-

⁷⁶ Дмитриева 2000, 12.

⁷⁷ Баранов, Майко 2001, 98.

⁷⁸ Исключение составляет только одна находка – железный votивный крест длиной около 8 см, найденный в заполнении котлована одного из перекопов на раскопе II (рис. 13, 14). К сожалению, этот комплекс не имеет надежной даты. К тому же кресту не удалось подобрать близких аналогий, поэтому хронологические рамки для него варьируются пока в пределах всего раннего средневековья.

⁷⁹ Майко, Пономарев 2013, 290–292.

⁸⁰ ср.: Сорочан 2001, 331, 333; Корольюк 1981, 85–86; Сорочан 2014, 246–250. По мнению С.Б. Сорочана, в VIII–IX вв. епископские кафедры Боспора и Херсона находились не в лучшем состоянии и не могли осуществить «достойную миссионерскую деятельность в среде языческого и полужыческого населения полуострова» (Сорочан 2001, 331; 2002, 124). В таком же ключе позиции христианской церкви рассматриваются В.В. Майко по отношению к салтовскому населению юго-восточного Крыма, в частности, к жителям городища Тепсень, которые стали массово принимать христианство только с середины IX в. (Майко 2003, 64; 2004, 278).

⁸¹ Баранов 1999, 7.

никами, принявшими христианство. Таким образом, есть все основания полагать, что длительный и сложный процесс христианизации салтово-маяцкого населения Крыма, по-видимому, так и не успел вступить в свою завершающую фазу, когда оно было вынуждено покинуть полуостров⁸². Впрочем, ввиду практически полного отсутствия письменных свидетельств, освещающих этот непростой и дискуссионный вопрос, ответ на него если и будет получен в перспективе, то только в процессе дальнейших археологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенов, В.С. 1995: Захоронения с конем у населения северо-западной Хазарии (по материалам Нетайловского и Красногорского могильников). *Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э.: тезисы докл. междунар. науч. археологич. конф. 14–17 ноября 1995 г.* Самара, 10–12.
- Аксенов, В.С. 1998: Захоронения коней в погребальных обычаях населения салтовской культуры. *Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії* 3. Харків, 4–9.
- Аксенов, В.С. 2002: Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры. *РА* 3, 98–114.
- Аксенов, В.С. 2003: К вопросу интерпретации некоторых комплексов Маяцкого селища. *Проблеми історії та археології України. Збірник матеріалів міжнародної наукової конференції до 100-річчя Археологічного з'їзду в м. Харкові 25–26 жовтня 2002 р.* Харків, 64–67.
- Аксенов, В.С., Крыганов, А.В., Михеев, В.К. 1996: Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника). В сб.: И. Эрдели (ред.), *Материалы I тыс. н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии*. Киев, 116–129.
- Албегова, З.Х., Гусаков, М.Г. 2001: Культовое назначение постройки 21 Маяцкого селища. В сб.: Н.В. Малиновская (ред.), *Практика и теория археологических исследований. Труды отдела охранных раскопок ИА РАН*. М., 122–131.
- Алекшин, В.А. 1990: Археологические свидетельства о культе черепа в культурах каменного века Евразии. *Реконструкция древних верований: источники, метод, цель: тезисы докл. конф.* Л., 38–39.
- Алекшин, В.А. 1994: Черепа людей в обрядах неолитических земледельцев юго-западной Азии. *Памятники древнего и средневекового искусства. Проблемы археологии* 3. СПб., 59–78.
- Антонова, Е.В. 1979: О характере религиозных представлений неолитических обитателей Анатолии. В сб.: В.Г. Гафуров, Б.А. Литвинский (ред.), *Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье*. М., 12–35.
- Антонова, Е.В. 1990: *Обряды и верования первобытных земледельцев востока*. М.
- Артамонова, О.А. 1963: Могильник Саркела – Белой Вежи (Труды Волго-Донской археологической экспедиции. III). *МИА* 109, 9–215.
- Афанасьев, Г.Е. 1993: *Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона*. М.
- Ашихмина, Л.И. 1996: Собака в ритуалах древнего населения Вычегодского края (опыт реконструкции). *Животные и растения в мифоритуальных системах: материалы науч. конф.* СПб., 106–107.

⁸² Пономарев 2002, 147; 2004, 460; Зинько, Пономарев 2009, 81; Пономарев 2011, 291–292; 2012–2013б, 171.

- Баранов, И.А. 1990: Население Крымской Хазарии (по материалам грунтовых могильников VII–X вв.). В сб.: А.Х. Халиков (ред.), *Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе*. Казань, 72–100.
- Баранов, И.А. 1999: Миссия Константина Философа в Крым и Хазарию. *Пилигримы Крыма. Осень-98: материалы междунар. науч. конф.* Симферополь, 4–8.
- Баранов, И.А., Майко, В.В. 2001: Тюркское святилище Сугдеи. *РА* 3, 98–110.
- Беленицкий, А.М. 1978: Конь в культурах и идеологических представлениях народов Средней Азии и Евразийских степей в древности и раннем средневековье. *КСИА* 154, 31–39.
- Белинский, И.В., Кулаков, А.А. 2013: Средневековый слой поселения Октябрьское I. В сб.: А.А. Кулаков (ред.), *Хазарские древности: сб. науч. ст.* Аксай, 140–162.
- Бессонова, С.С. 1992: Жертвоприношения подростков в скифских курганах. *Киммерийцы и скифы: тезисы докл. междунар. науч. конф., посвященной памяти А.И. Тереножкина*. Мелитополь, 11–12.
- Бешевлиев, В. 1930: Религия на прабългарите. *Българска историческа библиотека* 2. София, 29–60.
- Бутягин, А.М. 2003: Работы Мирмекийской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа. В сб.: Н.О. Гаврилюк (ред.), *Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр.* Київ, 61–65.
- Бутягин, А.М., Чистов, Д.Е. 2004: Работы Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2003 г. В сб.: Н.О. Гаврилюк (ред.), *Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр.* Київ, 77–78.
- Бутягин, А.М., Виноградов, Ю.А. 2006: История и археология древнего Мирмекия. В кн.: *Мирмекий в свете новых археологических исследований*. СПб., 4–51.
- Веймарн, Е.В., Айбабин, А.И. 1993: *Скалистинский могильник*. Киев.
- Велецкая, Н.Н. 1984: Языческая символика антропоморфной ритуальной скульптуры (к вопросу о генезисе и трансформации атрибутов в славяно-балканских ритуальных действиях). В сб.: И.П. Русанова (ред.), *Культура и искусство средневекового города*. М., 76–90.
- Винников, А.З., Афанасьев, Г.Е. 1991: *Культовые комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции)*. Воронеж.
- Винников, А.З., Ковалевский, В.Н. 2007: Могильник салтово-маяцкой культуры у с. Тихий Дон в Воронежской области. *ХА* 6, 51–64.
- Винников, А.З., Плетнева, С.А. 1998: *На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение*. Воронеж.
- Винокуров, Н.И. 1998: *Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье*. М.
- Винокуров, Н.И. 2002: Феномен человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья). *Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища: материалы междунар. науч. конф.* Ч. 1. СПб., 189–194.
- Винокуров, Н.И. 2004: Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам раскопок ритуальных захоронений в Крымском Приазовье). *OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии* 3. М., 55–87.
- Винокуров, Н.И. 2007: Исследование некрополя городища Артезиан в 2000 г. В сб.: А.А. Масленников, Н.А. Гаврилюк (ред.), *Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия, Скифия, Боспор*. Москва–Киев–Запорожье, 351–401.
- Винокуров, Н.И. 2011: Погребальные комплексы античного и средневекового времени: разрыв традиции или преемственность (на примере городища и некрополя Артезиан).

Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияния культур. Боспорские чтения XII. Керчь, 55–67.

- Винокуров, Н.И. 2014: Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.). *БИ. Supplementum* 12. Симферополь–Керчь.
- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2015а: Салтово-маяцкое поселение на античном городище Артезиан (Керченский полуостров). *LAUREA I. Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы.* Харьков, 18–22.
- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2015б: Салтово-маяцкие комплексы городища Артезиан (по материалам раскопок 1994–2010 гг.). *Таврические студии. Исторические науки* 7. Симферополь, 46–53.
- Винокуров, Н.И., Пономарев, Л.Ю. 2015в: О хронологии и периодизации городища Артезиан в эпоху средневековья (ранневизантийский период). *ПИФК* 3 (49), 195–208.
- Воронина, Р.Ф. 1975: О некоторых чертах верований среднеднепровской мордвы VIII–XI вв. *СА* 1, 281–286.
- Высотская, Т.Н. 2004: Аграрный культ у поздних скифов. *Старожитності степового Причорномор'я і Криму XI.* Запоріжжя, 60–64.
- Гадло, А.В. 1980: К истории восточной Таврики VIII–X вв. *Античные традиции и византийские реалии. АДСВ* 17, 130–145.
- Гадло, А.В. 2004: *Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе.* СПб.
- Гайдукевич, В.Ф. 1937: Боспорские города Тиритака и Мирмекий на Керченском полуострове (По раскопкам 1932–1936 гг.). *ВДИ* 1, 216–239.
- Гайдукевич, В.Ф. 1987: *Античные города Боспора.* Мирмекий. Л.
- Грач, Н.Л. 1999: *Некрополь Нимфея.* СПб.
- Гуцал, В.А. 2004: Бернашівський могильник та культ голови у первісному суспільстві. *Наукові праці Кам'янець-Подільського державного університету: Історичні науки* 12. Кам'янець-Подільський, 34–42.
- Дмитриева, Т.Н. 2000: Жертвоприношение: поиски истоков. В сб.: Л.И. Акимова, А.Г. Кишишин (ред.), *Жертвоприношение: Ритуал в культуре и искусстве от древности до наших дней / ЕРМНЕГ'А 2/.* М., 11–22.
- Жельвис, В.Н. 1984: Человек и собака (восприятие собаки в разных этнокультурных традициях). *СЭ* 3, 135–143.
- Зинько, В.Н. 1994: Охранные археологические исследования в г. Керчи. В сб.: В.А. Кутайсов (ред.), *Археологические исследования в Крыму 1993 год.* Симферополь, 124–129.
- Зинько, В.Н., Пономарев, Л.Ю. 2005: Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у пос. Эльтиген. *БИ* X, 236–268.
- Зинько, В.Н., Пономарев, Л.Ю. 2008: Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове. В сб.: Г.Е. Афанасьев (ред.), *Древности Юга России: памяти А. Г. Атавина.* М., 420–440.
- Зинько, В.Н., Пономарев, Л.Ю. 2009: *Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Боспорские исследования. Supplementum* 5. Симферополь–Керчь.
- Квитковский, В.И. 2011а: Селище салтово-маяцкой культуры Пятницкое-I (основные этапы исследования). *Салтово-маяцка археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині* 1. Харків, 14–20.
- Квитковский, В.И. 2011б: Исследования на многослойном селище Пятницкое I. В сб.: Д.Н. Козак (ред.), *Археологічні дослідження в Україні 2010 р.* Київ–Полтава, 168–169.
- Квитковский, В.И. 2012: Захоронение в круглой яме на селище Пятницкое-I. *Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження* 2. Харків, 26–29.
- Ключников, В.В. 2009: Особенности строительно-хозяйственных комплексов городища Золотые Горки на Нижнем Дону. В сб.: В.В. Ключников, А.Н. Коваленко (ред.),

- Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время: сб. ст. по материалам XII Междунар. науч. конф.* Ростов-на-Дону, 241–255.
- Ковалевская, В.Б. 1978: Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа. В сб.: В.И. Козенкова (ред.), *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы*. М., 111–120.
- Козлов, М.М. 2013: Жертвоприношения дітей у східних слов'ян домонгольської епохі. *Науковий вісник Миколаївського національного університету імені В.О. Сухомлинського. Сер.: Історичні науки* 3.35, 65–70.
- Колода, В.В. 2001: Работы на Мохначанском городище в 2000 г. В сб.: Д.Н. Козак, Н.А. Гаврилюк (ред.), *Археологічні відкриття в Україні 1999–2000 рр.* Київ, 129–131.
- Колода, В.В. 2011: К вопросу о погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач). *Древности, 2011: Харьковский историко-археологический ежегодник* 10. Харьков, 261–272.
- Колода, В.В. 2012–2013: Жилище с парным захоронением на городище Мохнач. *ХА* 11, 106–115.
- Королюк, В.Д. (ред.) 1981: Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.
- Красильников, К.И. 1991: Могильник древних болгар у с. Желтое на Северском Донце. *Проблеми на прабългарската история и култура* 2. София, 62–81.
- Крижевская, Л.Я. 1990: Погребения животных как форма проявления первобытных верований. *Конференция «Реконструкция древних верований: источники, метод, цель»: тезисы докл.* Л., 44–46.
- Леви-Строс, К. 1983: *Структурная антропология*. М.
- Любичев, М.В. 2001: Об одной группе сакральных памятников поселений верхнего течения Северского Донца раннего средневековья. *Вісник Харківського Національного університету ім. В. Н. Каразіна № 526. Серія «Історія»*. Вип. 33. Харків, 4–14.
- Майко, В.В. 2003: К вопросу о локализации некрополей Тепсеньского городища. В сб.: Ю.А. Бабинов (ред.), *Восток–Запад: межконфессиональный диалог: сб. науч. тр.* Севастополь, 2003, 60–66.
- Майко, В.В. 2004: *Средневековое городище Тепсень в юго-восточном Крыму*. Киев.
- Майко, В.В., Пономарев, Л.Ю. 2013: Салтово-маяцкие могильники как источник по христианизации Восточного Крыма «хазарского времени». *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. Боспорские чтения XIV*. Керчь, 290–295.
- Марти, Ю.Ю. 1941: Разведочные работы вне городских стен Тиритаки. *МИА* 4 (Археологические памятники Боспора и Херсонеса), 25–36.
- Матолчи, Я. 1984: Кости животных с городища, селища и могильника (1978–1979 гг.). В сб.: С.А. Плетнева (ред.), *Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции*. М., 237–260.
- Медникова, М.Б. 2010: Обращение с головой умершего: погребальная практика древности по данным палеоантропологии. *КСИА* 224, 98–106.
- Милютин, А.И. 1909: Раскопки 1906 г. на Маяцком городище. *ИАК* 29, 153–163.
- Михеев, В.К. 1985: *Подонье в составе Хазарского каганата*. Харьков.
- Михеев, В.К. 1990: Погребальный обряд Красногоровского могильника салтово-маяцкой культуры. В сб.: А.Х. Халиков (ред.), *Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе*. Казань, 1990, 45–52.
- Михеев, В.К., Приходнюк, О.М. 1986: Пенківське поселення на Сіверському Дінці. *Археологія* 54, 75–82.
- Могаричев, Ю.М. 2005: О некоторых вопросах истории Восточного Крыма VIII–IX вв. *Судейский сборник II*. Киев–Судак, 237–247.

- Науменко, В.Е. 2009а: Амфоры. В кн.: *Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. БИ. Supplementum 5*. Симферополь–Керчь, 35–50.
- Науменко, В.Е. 2009б: Столовая керамика. В кн.: *Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. БИ. Supplementum 5*. Симферополь–Керчь, 60–64.
- Нессель, В.А. 2006: Керамический комплекс. В кн.: А.Б. Бернацки, Е.Ю. Кленина (ред.), *Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.). Херсонесский сборник. Supplement I*. Севастополь, 95–140.
- Нестеров, С.П. 1990: *Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья*. Новосибирск.
- Нидзельницкая, Л.Ю., Кулаков, А.А. 2013: Раннесредневековое поселение Мартыново I на Нижнем Дону. В сб.: В.В. Ключников, А.А. Кулаков (ред.), *Хазарские древности: сб. науч. ст.* Аксай, 7–49.
- Носенко, Е.З. 1990: Представления кельтов о загробном мире. *ВДИ* 3, 101–112.
- Пархоменко, О.В. 1985: Поселение салтовской культуры у с. Жовтневое. В сб.: П.П. Толочко (ред.), *Земли Южной Руси в IX–XIV вв. (История и археология)*. Киев, 84–94.
- Петрухин, В. 2007: Болгарские амулеты в виде конников: Евразийский контекст. *Проблемы на изкуството* 3. София, 3–6.
- Плетнева, С.А. 1959: Керамика Саркела – Белой Вежи. *МИА* 75 (Труды Волго-Донской археологической экспедиции II), 212–272.
- Плетнева, С.А. 1967: От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. *МИА* 142.
- Плетнева, С.А. 1989: *На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс. М.*
- Плетнева, С.А. 1996: *Саркел и «шелковый» путь*. Воронеж.
- Плетнева, С.А. 2000: *Очерки хазарской археологии*. М.–Иерусалим.
- Плетнева, С.А. 2004: Экологичные привычки жителей Хазарского каганата. *Природа* 9 (1069). М., 64–68.
- Плетнева, С.А., Красильников, К.И. 1990: Гончарные мастерские Маяцкого комплекса. В сб.: С.А. Плетнева (ред.), *Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции*. М., 92–139.
- Пономарев, Л.Ю. 2001: Салтовский ритуальный комплекс в окрестностях Тиритаки. *Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность. III Международная Крымская конференция по религиоведению: тезисы докл. и сообщ.* Севастополь, 30–31.
- Пономарев, Л.Ю. 2002: Салтово-маяцкие погребальные памятники Керченского полуострова. *БИ* II, 145–158.
- Пономарев, Л.Ю. 2003: Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное. *БИ* III, 264–282.
- Пономарев, Л.Ю. 2004: Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген. *БИ* V, 445–475.
- Пономарев, Л.Ю. 2008: Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова второй половины VIII – первой половины X вв. *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. 2008 г.* П. М., 268–270.
- Пономарев, Л.Ю. 2009: К археологической карте средневековых памятников восточной оконечности Керченского полуострова. *БИ* XXI, 490–520.
- Пономарев, Л.Ю. 2011: Салтово-маяцкий плитово-грунтовый могильник поселения Героевка-2 (как один из примеров взаимодействия культур и религий на окраинах византийского мира). *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. Боспорские чтения XII*. Керчь, 287–295.
- Пономарев, Л.Ю. 2012–2013а: Зольники салтово-маяцких поселений Керченского полуострова (предварительный обзор). *ХА* 11, 182–203.

- Пономарев, Л.Ю. 2012–2013б: О раннесредневековых плитовых и плитово-грунтовых могильниках Керченского полуострова. *ХА* 11, 153–181.
- Пономарев, Л.Ю. 2014: Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова (краткий обзор по археологическим данным). *ХА* 12, 135–159.
- Пономарев, Д.Ю. 2009: Анализ фрагментов костей из ямы № 17. В кн.: *Тиритака. Раскоп XXVI. Т. I. Археологические комплексы VIII–X вв. Би. Supplementum 5*. Симферополь–Керчь, 2009, 92.
- Раевский, Д.С. 2006: Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н.э. В кн.: Д.С. Раевский, *Мир скифской культуры*. М., 265–574.
- Рашев, Р. 2008: *Българската езическа култура VII–IX век*. София.
- Русанова, И.П., Тимошук, Б.А. 2007: *Языческие святилища древних славян*. М.
- Рыбаков, Б.А. 1965: Космогония и мифология земледельцев энеолита. *СА* 2, 13–33.
- Рыбаков, Б.А. 1981: *Язычество древних славян*. М.
- Рыжов, С.Г., Седикова, Л.В. 1999: Комплексы X в. из раскопок квартала X «Б» Северного района Херсонеса. *ХСб* X, 312–329.
- Савченко, Е.И. 1986: Крымский могильник. В сб.: И.С. Каменецкий (ред.), *Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа (Материалы работ Северокавказской экспедиции. Вып. 1)*. М., 70–101.
- Сарапулкин, В.А. 2006: Ржевский грунтовый могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение). *Археологические памятники Восточной Европы* 12. Воронеж, 195–204.
- Смирнов, Ю.А. 1997: *Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь*. М.
- Соколова, З.П. 1972: *Культ животных в религиях*. М.
- Сорочан, С.Б. 2001: О положении церкви в Крыму в VIII–IX вв. *БИАС* 2, 328–336.
- Сорочан, С.Б. 2002: О положении церкви в Крыму в VIII–IX вв. В сб.: В.Л. Мыц (ред.), *Церковная археология Южной Руси: сб. материалов междунар. конф. «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия» (Севастополь, 2001 г.)*. Симферополь, 121–128.
- Сорочан, С.Б. 2004а: Об *opus spicatum* и населении раннесредневековой Таврики. *ХА* 3, 117–159.
- Сорочан, С.Б. 2004б: *Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.)*. Очерки истории и культуры. Ч. 1. Харьков.
- Сорочан, С.Б. 2014: «Народ фульский»: язычники или христиане? *Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. XXVI Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Папуто. Москва, 16–18 апреля 2014 г. Материалы конференции*. М., 246–250.
- Тульпе, И.А. 1998: Некрополь для детей (по материалам раскопок некрополя Илурата и Китея в 1968–1998 гг.). *Боспорское царство как историко-культурный феномен: материалы конф.* СПб., 46–53.
- Тульпе, И.А., Хршановский, В.А. 1994: Жернова на некрополе. *Вещь в контексте культуры: материалы науч. конф.* СПб., 108–109.
- Тульпе, И.А., Хршановский, В.А. 2011: Новый комплекс хазарского времени на Илуратском плато. *Боспорский феномен: Население, языки, контакты: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.)*. СПб., 228–236.
- Флеров, В.С. 1971а: Памятники неолита и средневековья в Приазовье. В сб.: Б.А. Рыбаков (ред.), *АО 1970 года*. М., 102.
- Флеров, В.С. 1971б: Поселение VIII–IX вв. у ст. Богоявленской. *СА* 2, 258–265.

- Флеров, В.С. 1993: *Погребальные обряды на севере Хазарского каганата (Материалы и проблемные исследования по древней и средневековой археологии юга Восточной Европы. Вып 1)*. Волгоград.
- Флеров, В.С. 1995: Общинное хранилище (к проблеме социальных взаимоотношений в хазарском каганате). *Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э.: тезисы докл. науч. конф.* М., 88–91.
- Флеров, В.С. 2005: Обряд обезвреживания погребенных Хазарии на фоне Восточной Европы в I тыс. н.э. *Степи Европы в эпоху средневековья 4. Хазарское время*. Донецк, 383–405.
- Флеров, В.С. 2007: *Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э. (Труды Клин-Ярской экспедиции III)*. М.
- Флерова, В.Е. 1996: Домашние промыслы в Саркеле – Белой Веже (по материалам коллекции костяных изделий). В сб.: Д.А. Сташенков (ред.), *Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э.* Самара, 277–332.
- Чернигова, Н.В. 2002: Исследование Верхнесалтовского городища. В сб.: Н.О. Гаврилюк (ред.), *Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 рр.* Київ, 254–256.
- Чибиров, Л.А. 1983: Аграрные истоки культа животных у осетин. *СЭ* 1, 94–102.
- Чхаидзе, В.Н. 2008: *Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове*. М.
- Штернберг, Л.Я. 1936: Первобытная религия в свете этнографии. Л.
- Щепанская, Т.Б. 1993: Собака – проводник на грани миров. *ЭО* 1, 71–79.

REFERENCES

- Afanas'ev, G.E. 1993: *Donskie alany. Sotsial'nye struktury alano-asso-burtasskogo naseleniya basseyna Srednego Dona*. Moscow.
- Aksenov, V.S. 1995: Zahoroneniya s konem u naselenia severo-zapadnoy Hazarii (po materialam Netaylovskogo i Krasnogorovskogo mogil'nikov). *Kul'tury stepey Evrazii vtoroy poloviny I tys. n.e.: tezisy dokl. mezhdunar. nauch. arheologich. konf. 14–17 noyabrya 1995 g.* Samara, 10–12.
- Aksenov, V.S. 1998: Zahoroneniya koney v pogrebal'nyh obyachayah naseleniya saltovskoy kul'tury. *Aktual'ni problemy vitchiznjanoi'ta vsesvitni'oi'istorii* 3. Harkiv, 4–9.
- Aksenov, V.S. 2002: Obryad obezvezhivaniya pogrebennyh v Verhne-Saltovskom i Rubezhanskom katakombnyh mogil'nikah saltovo-mayatskoy kul'tury. *Rossijskaja arheologija* 3, 98–114.
- Aksenov, V.S. 2003: K voprosu interpretatsii nekotoryh kompleksov Mayatskogo selishcha. *Problemy istorii ta arheologii Ukrainy: zb. materialiv mizhnar. naukovoi'konf. do 100-richchja Arheologichnogo z'i'zdu v m. Harkovi 25–26 zhovtnja 2002 r.* Harkiv, 64–67.
- Aksenov, V.S., Kryganov, A.V., Miheev, V.K. 1996: Obryad pogrebeniya s konem u naseleniya saltovskoy kul'tury (po materialam Krasnogorskogo mogil'nika). In: I. Erdeli (ed.), *Materialy I tys. n.e. po arheologii i istorii Ukrainy i Vengrii*. Kiev, 116–129.
- Albegova, Z.H., Gusakov, M.G. 2001: Kul'tovoe naznachenie postroyki 21 Mayatskogo selishcha. In: N.V. Malinovskaya (ed.), *Praktika i teoriya arheologicheskikh issledovaniy. Trudy otdela ohrannyh raskopok IA RAN*. Moscow, 122–131.
- Alekshin, V.A. 1990: Arheologicheskie svidetel'stva o kul'te cherepa v kul'turah kamennogo veka Evrazii. *Rekonstruktsiya drevnih verovaniy: istochniki, metod, tsel': tezisy dokl. konf.* Leningrad, 38–39.
- Alekshin, V.A. 1994: Cherepa lyudey v obryadah neoliticheskikh zemledel'tsev yugo-zapadnoy Azii. *Pamyatniki drevnego i srednevekovogo iskusstva. Problemy arheologii* 3. Saint-Petersburg, 59–78.

- Antonova, E.V. 1979: O haraktere religioznyh predstavleniy neoliticheskikh obitateley Anadolii. In: V.G. Gafurov, B.A. Litvinskiy (ed.), *Kul'tura i iskusstvo narodov Sredney Azii v drevnosti i srednevekov'e*. Moscow, 12–35.
- Antonova, E.V. 1990: *Obryady i verovaniya pervobytnyh zemledel'tsev vostoka*. Moscow.
- Artamonova, O.A. 1963: Mogil'nik Sarkela – Beloy Vezhi (Trudy Volgo-Donskoy arheologicheskoy ekspeditsii. III). *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR* 109, 9–215.
- Ashihmina, L.I. 1996: Sobaka v ritualah drevnego naseleniya Vyhegodskogo kraya (opyt rekonstruktsii). *Zhivotnye i rasteniya v miforitual'nyh sistemah: materialy nauch. konf.* Saint-Petersburg, 106–107.
- Baranov, I.A. 1990: Naselenie Krymskoy Hazarii (po materialam gruntovykh mogil'nikov VII–X vv.). In: A.H. Halikov (ed.), *Rannie bolgary i finno-ugry v Vostochnoy Evrope*. Kazan', 1990, 72–100.
- Baranov, I.A. 1999: Missiya Konstantina Filosofa v Krym i Hazariyu. *Piligrimy Kryma. Osen' 98: materialy mezhdunar. nauch. konf.* Simferopol', 4–8.
- Baranov, I.A., Mayko, V.V. 2001: Tyurkskoe svyatilishche Sugdei. *Rossiyskaya arheologiya* 3, 98–110.
- Belenitskiy, A.M. 1978: Kon' v kul'tah i ideologicheskikh predstavleniyah narodov Sredney Azii i Evraziyskikh stepey v drevnosti i rannem srednevekov'e. *Kratkie soobshheniya instituta arheologii* 154, 31–39.
- Belinskiy, I.V., Kulakov, A.A. 2013: Srednevekovyy sloy poseleniya Oktyabr'skoe I. In: A.A. Kulakov (ed.), *Hazarskie drevnosti: sb. nauch. st.* Aksay, 140–162.
- Beshevliev, V. 1930: Religiyata na prab'lgarite. *B'lgarska istoricheska biblioteka* 2. Sofiya, 29–60.
- Bessonova, S.S. 1992: Zhertvoprinosheniya podrostkov v skifskikh kurganah. *Kimmeriytsy i skify: tezisy dokl. mezhd. nauch. konf., posvyashchennoy pamyati A.I. Terenozhkina*. Melitopol', 11–12.
- Butyagin, A.M. 2003: Raboty Mirmekiyskoy arheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha. In: N.O. Gavrilyuk (ed.), *Arheologichni vidkrittja v Ukraini 2001–2002 rr.* Kii'v, 61–65.
- Butyagin, A.M., Chistov, D.E. 2004: Raboty Mirmekiyskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha v 2003 g. In: N.O. Gavriljuk (ed.), *Arheologichni vidkrittja v Ukraini 2002–2003 rr.* Kii'v, 77–78.
- Butyagin, A.M., Vinogradov, Yu.A. 2006: Istoriya i arheologiya drevnego Mirmekiya. In: *Mirmekiy v svete novykh arheologicheskikh issledovaniy*. Saint-Petersburg, 4–51.
- Chernigova, N.V. 2002: Issledovanie Verhnesaltovskogo gorodishcha. In: N.O. Gavrilyuk (ed.), *Arheologichni vidkrittja v Ukraini 2000–2001 rr.* Kii'v, 254–256.
- Chhaidze, V.N. 2008: *Tamatarha. Rannesrednevekovyy gorod na Tamanskom poluostrove*. Moscow.
- Chibirov, L.A. 1983: Agrarnye istoki kul'ta zhivotnykh u osetin. *Sovetskaya jetnografija* 1, 94–102.
- Dmitrieva, T.N. 2000: Zhertvoprinoshenie: poiski istokov. In: L.I. Akimova, A.G. Kifishin (ed.), *Zhertvoprinoshenie: Ritual v kul'ture i iskusstve ot drevnosti do nashih dney /'ERMNEI'A 2/*. Moscow, 11–22.
- Flerov, V.S. 1971a: Pamyatniki neolita i srednevekov'ya v Priazov'e. In: B.A. Rybakov (ed.), *AO 1970 goda*. Moscow, 102.
- Flerov, V.S. 1971b: Poselenie VIII–IX vv. u st. Bogoyavlenskoy. *Sovetskaya arheologia* 2, 258–265.
- Flerov, V.S. 1993: *Pogrebal'nye obryady na severe Hazarskogo kaganata (Materialy i problemnye issledovaniya po drevney i srednevekovoy arheologii yuga Vostochnoy Evropy. Vyp 1)*. Volgograd.

- Flerov, V.S. 1995: Obshchinnoe hranilishche (k probleme sotsial'nyh vzaimootnosheniy v hazarskom kaganate). *Kul'tury stepey Evrazii vtoroy poloviny I tys. n.e.: tezisy dokl. nauch. konf.* Moscow, 88–91.
- Flerov, V.S. 2005: Obryad obezvrezhivaniya pogrebennyh Hazarii na fone Vostochnoy Evropy v I tys. n.e. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya* 4. Hazarskoe vremya. Donetsk, 383–405.
- Flerov, V.S. 2007: *Postpogrebal'nye obryady Tsentral'nogo Predkavkaz'ya v I v. do n.e. – IV v. n.e. i Vostochnoy Evropy v IV v. do n.e. – XIV v. n.e. (Trudy Klin-Yarskoy ekspeditsii III)*. Moscow.
- Flerova, V.E. 1996: Domashnie promysly v Sarkele – Beloy Vezhe (po materialam kollektzii kostyanyh izdeliy). In: D.A. Stashenkov (ed.), *Kul'tury Evraziyskikh stepey vtoroy poloviny I tysyacheletiya n.e.* Samara, 277–332.
- Gadlo, A.V. 1980: K istorii vostochnoy Tavriki VIII–X vv. *Antichnye traditsii i vizantiyskie realii. Antichnaya drevnost' i srednie veka* 17, 130–145.
- Gadlo, A.V. 2004: *Predystoriya Priazovskoy Rusi. Ocherki istorii russkogo knyazheniya na Severnom Kavkaze*. Saint-Petersburg.
- Gaydukevich, V.F. 1937: Bosporskie goroda Tiritaka i Mirmekiy na Kerchenskom poluostrove (Po raskopkam 1932–1936 gg.). *Vestnik drevney istorii* 1, 216–239.
- Gaydukevich, V.F. 1987: *Antichnye goroda Bospora. Mirmekiy*. Leningrad.
- Grach, N.L. 1999: *Nekropol' Nimfeya*. Saint-Petersburg.
- Gutsal, V.A. 2004: Bernashivs'kij mogil'nik ta kul't golovy u pervisnomu suspil'stvi. *Naukovi pratsi Kam'janets'-Podil's'kogo derzhavnogo universitetu: Istorichni nauki* 12. Kam'janets'-Podil's'kij, 34–42.
- Klyuchnikov, V.V. 2009: Osobennosti stroitel'no-hozyaystvennykh kompleksov gorodishcha Zoloty Gorki na Nizhnem Donu. In: V.V. Klyuchnikov, A.N. Kovalenko (ed.), *Mezhdunarodnye otnosheniya v bassejne Chernogo morya v skifo-antichnoe i hazarskoe vremya: sb. st. po materialam XII Mezhdunar. nauch. konf.* Rostov-on-Don, 241–255.
- Koloda, V.V. 2001: Raboty na Mohnachanskom gorodishche v 2000 g. In: D.N. Kozak, N.A. Gavrilyuk (ed.), *Arheologichni vidkrittja v Ukraini 1999–2000 rr: Kii'v*, 129–131.
- Koloda, V.V. 2011: K voprosu o pogrebeniyah na poseleniyah (na primere bogatogo zhenskogo zahoroneniya na gorodishche Mohnach). *Drevnosti, 2011: Har'kovskiy istoriko-arheologicheskij ezhegodnik* 10. Kharkiv, 261–272.
- Koloda, V.V. 2012–2013: Zhilishche s parnym zahoroneniem na gorodishche Mohnach. *Nauchnyj arhiv* 11, 106–115.
- Korolyuk, V.D. (ed.) 1981: *Skazaniya o nachale slavyanskoy pis'mennosti*. Moscow.
- Kovalevskaya, V.B. 1978: Izobrazhenie konya i vsadnika na srednevekovykh amuletah Severnogo Kavkaza. In: V.I. Kozenkova (ed.), *Voprosy drevney i srednevekovoy arheologii Vostochnoy Evropy*. Moscow, 111–120.
- Kozlov, M.M. 2013: Zhertvoprinoshenija ditei' u shidnih slov'jan domongol'skoi' epohi. *Naukovyy visnyk Mykolai'vs'kogo natsional'nogo universitetu imeni V.O. Suhomlins'kogo*. Ser.: Istorichni nauki 3.35, 65–70.
- Krasil'nikov, K.I. 1991: Mogil'nik drevnih bolgar u s. Zheltoe na Severskom Dontse. *Problemy na prab'lgarskata istoriya i kul'tura* 2. Sofiya, 62–81.
- Krizhevskaya, L.Ya. 1990: Pogrebeniya zhivotnykh kak forma proyavleniya pervobytnykh verovaniy. *Konferentsiya «Rekonstruktsiya drevnih verovaniy: istochniki, metod, tsel'»: tezisy dokl.* Leningrad, 44–46.
- Kvitkovskiy, V.I. 2011a: Selishche saltovo-mayatskoy kul'tury Pyatnitskoe-I (osnovnye etapy issledovaniya). *Saltovo-majats'ka arheologichna kul'tura: 110 rokov vid pochatku vivchenja na Har'kivshchini* 1. Kharkiv, 14–20.
- Kvitkovskiy, V.I. 2011b: Issledovaniya na mnogoslonym selishche Pyatnitskoe I. In: D.N. Kozak (ed.), *Arheologichni doslidzhennja v Ukraini 2010 r. Kii'v–Poltava*, 168–169.

- Kvitkovskiy, V.I. 2012: Zahoronenie v krugloy yame na selishche Pyatnitskoe-I. *Saltovomajats'ka arheologichna kul'tura: problemy ta doslidzhennja* 2. Kharkiv, 26–29.
- Levi-Stros, K. 1983: *Strukturnaya antropologiya*. Moscow.
- Lyubichev, M.V. 2001: Ob odnoy gruppe sakral'nyh pamyatnikov poseleniy verhnego techeniya Severskogo Dontsa rannego srednevekov'ya. *Visnyk Harkivs'kogo Natsional'nogo universitetu im. V.N. Karazina* № 526. Serija «Istorija». Vyp. 33. Kharkiv, 4–14.
- Marti, Yu.Yu. 1941: Razvedochnye raboty vne gorodskih sten Tiritaki. *Materialy i issledovanija po arheologii SSSR* 4 (Arheologicheskie pamyatniki Bospora i Hersonesa), 25–36.
- Matolchi, Ya. 1984: Kosti zhivotnyh s gorodishcha, selishcha i mogil'nika (1978–1979 gg.). In: S.A. Pletneva (ed.), *Mayatskoe gorodishche. Trudy Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoy ekspeditsii*. Moscow, 237–260.
- Mayko, V.V. 2003: K voprosu o lokalizatsii nekropoley Tepsen'skogo gorodishcha. In: Iu.A. Babinov (ed.), *Vostok–Zapad: mezhhkonal'nyy dialog: sb. nauch. tr.* Sevastopol', 2003, 60–66.
- Mayko, V.V. 2004: *Srednevekovoe gorodishche Tepsen' v yugo-vostochnom Krymu*. Kiev.
- Mayko, V.V., Ponomarev, L.Yu. 2013: Saltovo-mayatskie mogil'niki kak istochnik po hristianizatsii Vostochnogo Kryma «hazarskogo vremeni». *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Arheologicheskij ob'ekt v kontekste istorii. Bospor-skie chteniya XIV*. Kerch', 290–295.
- Mednikova, M.B. 2010: Obrashchenie s golovoy umershego: pogrebal'naya praktika drevnosti po dannym paleoantropologii. *Kratkie soobshhenija Instituta arheologii RAN* 224, 98–106.
- Miheev, V.K. 1985: *Podon'e v sostave Hazarskogo kaganata*. Kharkiv.
- Miheev, V.K. 1990: Pogrebal'nyy obryad Krasnogorovskogo mogil'nika saltovo-mayatskoy kul'tury. In: A.H. Halikov (ed.), *Rannie bolgary i finno-ugry v Vostochnoy Evrope*. Kazan', 1990, 45–52.
- Miheev, V.K., Prihodnyuk, O.M. 1986: Penkivs'ke poselenja na Sivers'komu Dintsi. *Arheologiya* 54, 75–82.
- Milyutin, A.I. 1909: Raskopki 1906 g. na Mayatskom gorodishche. *Izvestija Imperatorskoj arheologicheskoy komissii* 29, 153–163.
- Mogarichev, Yu.M. 2005: O nekotoryh voprosah istorii Vostochnogo Kryma VIII–IX vv. *Sugdeyskiy sbornik II*. Kiev–Sudak, 237–247.
- Naumenko, V.E. 2009a: Amfory. In: *Tiritaka. Raskop XXVI. T. I. Arheologicheskie komplekсы VIII–X vv. BI. Supplementum 5*. Simferopol'–Kerch', 35–50.
- Naumenko, V.E. 2009b: Stolovaya keramika. In: *Tiritaka. Raskop XXVI. T. I. Arheologicheskie komplekсы VIII–X vv. BI. Supplementum 5*. Simferopol'–Kerch', 60–64.
- Nessel', V.A. 2006: Keramicheskij kompleks. In: A.B. Bernatski, E.Yu. Klenina (ed.), *Topografiya Hersonesa Tavricheskogo. Vodosbornaya tsisterna zhilogo doma v kvartale VII (IX–XI vv.). Hersonesskiy sbornik. Supplement I*. Sevastopol', 95–140.
- Nesterov, S.P. 1990: *Kon' v kul'tah tyurkoyazychnyh plemen Tsentral'noy Azii v epohu srednevekov'ya*. Novosibirsk.
- Nidzel'nitskaya, L.Yu., Kulakov, A.A. 2013: Rannesrednevekovoe poselenie Martynovo I na Nizhnem Donu. In: V.V. Klyuchnikov, A.A. Kulakov (ed.), *Hazarskie drevnosti: sb. nauch. st.* Aksay, 7–49.
- Nosenko, E.Z. 1990: Predstavleniya kel'tov o zagrobnom mire. *Vestnik drevney istorii* 3, 101–112.
- Parhomenko, O.V. 1985: Poselenie saltovskoy kul'tury u s. Zhovtnevoe. In: P.P. Tolochko (ed.), *Zemli Yuzhnoy Rusi v IX–XIV vv. (Istorija i arheologiya)*. Kiev, 84–94.
- Petruhin, V. 2007: Bolgarskie amulety v vide konnikov: Evraziyskiy kontekst. *Problemi na izkustvoto* 3. Sofiya, 3–6.

- Pletneva, S.A. 1959: Keramika Sarkela – Beloy Vezhi. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR 75* (Trudy Volgo-Donskoy arheologicheskoy ekspeditsii II), 212–272.
- Pletneva, S.A. 1967: Ot kocheviy k gorodam. Saltovo-mayatskaya kul'tura. *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR 142*.
- Pletneva, S.A. 1989: *Na slavyano-hazarskom pograniich'e* (Dmitrievskiy arheologicheskiy kompleks. Moscow.
- Pletneva, S.A. 1996: *Sarkel i «shelkovyy» put'*. Voronezh.
- Pletneva, S.A. 2000: *Ocherki hazarskoy arheologii*. Moscow–Ierusalim.
- Pletneva, S.A. 2004: Ekologichnye privyчки zHITELEY Hazarskogo kaganata. *Priroda* 9 (1069). Moscow, 64–68.
- Pletneva, S.A., Krasil'nikov, K.I. 1990: Goncharnye masterskie Mayatskogo kompleksa. In: S.A. Pletneva (ed.), *Mayatskiy arheologicheskiy kompleks. Materialy Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoy ekspeditsii*. Moscow, 92–139.
- Ponomarev, L.Yu. 2001: Saltovskiy ritual'nyy kompleks v okrestnostyakh Tiritaki. *Vzaimootnosheniya religioznykh konfessiy v mnogonatsional'nom regione: istoriya i sovremennost'*: III Mezhdunarodnaya Krymskaya konferentsiya po religiovedeniyu: tezisy dokl. i soobshch. Sevastopol', 30–31.
- Ponomarev, L.Yu. 2002: Saltovo-mayatskie pogrebal'nye pamyatniki Kerchenskogo poluostrova. *Bosporskie issledovaniya* II, 145–158.
- Ponomarev, L.Yu. 2003: Saltovskoe ukreplenie i svyatilishche u s. Zavetnoe. *BI* III, 264–282.
- Ponomarev, L.Yu. 2004: Biritual'nyy saltovo-maiatskiy mogil'nik u poselka El'tigen. *Bosporskie issledovaniya* V, 445–475.
- Ponomarev, L.Yu. 2008: Saltovo-mayatskie poseleniya Kerchenskogo poluostrova vtoroy poloviny VIII – pervoy poloviny X vv. *Trudy II (XVIII) Vserossiyskogo arheologicheskogo s"ezda v Suzdale. 2008 g.* II. Moscow, 268–270.
- Ponomarev, L.Yu. 2009: K arheologicheskoy karte srednevekovykh pamyatnikov vostochnoy okonechnosti Kerchenskogo poluostrova. *Bosporskie issledovaniya* XXI, 490–520.
- Ponomarev, L.Yu. 2011: Saltovo-maiatskiy plitovo-gruntovyy mogil'nik poseleniya Geroevka-2 (kak odin iz primerov vzaimodeistviya kul'tur i religiy na okrainah vizantiyskogo mira). *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Vzaimovliyanie kul'tur. Bosporskie chteniya* XII. Kerch', 287–295.
- Ponomarev, L.Yu. 2012–2013a: Zol'niki saltovo-mayatskiykh poseleniy Kerchenskogo poluostrova (predvaritel'nyy obzor). 11, 182–203.
- Ponomarev, L.Yu. 2012–2013b: O rannesrednevekovykh plitovykh i plitovo-gruntovykh mogil'nikakh Kerchenskogo poluostrova. *Hazarskiy al'manah* 11, 153–181.
- Ponomarev, L.Yu. 2014: Saltovo-mayatskie poseleniya Kerchenskogo poluostrova (kratkiy obzor po arheologicheskim dannym). *Hazarskiy al'manah* 12, 135–159.
- Ponomarev, D.Yu. 2009: Analiz fragmentov kostey iz yamy № 17. In: *Tiritaka. Raskop XXVI. T. I. Arheologicheskie komplekсы VIII–X vv. BI. Supplementum 5*. Simferopol'–Kerch', 2009, 92.
- Raevskiy, D.S. 2006: Model' mira skifskoy kul'tury. Problemy mirovozzreniya iranoyazychnykh narodov evraziyskiykh stepey I tysyacheletiya do n.e. In: D.S. Raevskiy *Mir skifskoy kul'tury*. Moscow, 265–574.
- Rashev, R. 2008: *B»lgarskata ezicheska kultura VII–IX vek*. Sofiya.
- Rusanova, I.P., Timoshchuk, B.A. 2007: *Yazycheskie svyatilishcha drevnih slavyan*. Moscow.
- Rybakov, B.A. 1965: Kosmogoniya i mifologiya zemledel'tsev eneolita. *Sovetskaya arheologiya* 2, 13–33.
- Rybakov, B.A. 1981: *Yazychestvo drevnih slavyan*. Moscow.
- Ryzhov, S.G., Sedikova, L.V. 1999: Komplekсы X v. iz raskopok kvartala X «B» Severnogo rayona Hersonesa. *Hersonesskiy sbornik* X, 312–329.

- Sarapulkin, V.A. 2006: Rzhhevskiy gruntovyy mogil'nik saltovo-mayatskoy kul'tury (predvaritel'noe soobshchenie). *Arheologicheskie pamyatniki Vostochnoy Evropy* 12. Voronezh, 195–204.
- Savchenko, E.I. 1986: Krymskiy mogil'nik. In: I.S. Kamenetskiy (ed.), *Arheologicheskie otkrytiya na novostroykah. Drevnosti Severnogo Kavkaza (Materialy rabot Severokavkazskoy ekspeditsii. Vyp. 1)*. Moscow, 70–101.
- Shchepanskaya, T.B. 1993: Sobaka – provodnik na grane mirov. *Etnograficheskoe obozrenie* 1, 71–79.
- Shternberg, L.Ia. 1936: *Pervobytnaya religiya v svete etnografii*. Leningrad.
- Smirnov, Y.A. 1997: *Labirint: Morfologiya prednamerennogo pogrebeniya. Issledovanie, teksty, slovar'*. Moscow.
- Sokolova, Z.P. 1972: *Kul't zhivotnykh v religiyah*. Moscow.
- Sorochan, S.B. 2001: O polozhenii tserkvi v Krymu v VIII–IX vv. *BIAS* 2, 328–336.
- Sorochan, S.B. 2002: O polozhenii tserkvi v Krymu v VIII–IX vv. In: V.L. Myts (ed.), *Tserkovnaya arheologiya Yuzhnoy Rusi. Sbornik materialov mezhdunarodnoy konferentsii «Tserkovnaya arheologiya: problemy, poiski, otkrytiya» (Sevastopol', 2001 g.)*. Simferopol', 121–128.
- Sorochan, S.B. 2004a: Ob opus spicatum i naselenii rannesrednevekovoy Tavriki. *Hazarskiy al'manah* 3, 117–159.
- Sorochan, S.B. 2004b: *Vizantiyskiy Herson (vtoraya polovina VI – pervaya polovina X vv.) Ocherki istorii i kul'tury*. Ch. 1. Kharkiv.
- Sorochan, S.B. 2014: «Narod ful'skiy»: yazychniki ili hristiane? *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Yazychestvo i monoteizm v protsessah politogeneza. XXVI Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto. Moskva, 16–18 aprelya 2014 g. Materialy konferentsii*. Moscow, 246–250.
- Tul'pe, I.A. 1998: Nekropol' dlya detey (po materialam raskopok nekropolya Ilurata i Kiteya v 1968–1998 gg.). *Bosporskoe tsarstvo kak istoriko-kul'turnyy fenomen. Materialy konferentsii*. Saint-Petersburg, 46–53.
- Tul'pe, I.A., Hrshanovskiy, V.A. 1994: Zhernova na nekropole. *Veshch' v kontekste kul'tury. Materialy nauch. konf.* Saint-Petersburg, 108–109.
- Tul'pe, I.A., Hrshanovskiy, V.A. 2011: Novyy kompleks hazarskogo vremeni na Iluratskom plato. *Bosporskiy fenomen: Naselenie, yazyki, kontakty: materialy mezhdunar. nauch. konf. (Sankt-Peterburg, 22–25 noyabrya 2011 g.)*. Saint-Petersburg, 228–236.
- Veletskaya, N.N. 1984: Yazycheskaya simbolika antropomorfnoy ritual'noy skul'ptury (k vo-prosu o genezise i transformatsii atributov v slavyano-balkanskih ritual'nykh deystvakh). In: I.P. Rusanova (ed.), *Kul'tura i iskusstvo srednevekovogo goroda*. Moscow, 76–90.
- Veymarn, E.V., Aybabin, A.I. 1993: *Skalistinskiy mogil'nik*. Kiev.
- Vinnikov, A.Z., Afanas'ev, G.E. 1991: *Kul'tovye komplekсы Mayatskogo selishcha (Materialy raskopok Sovetsko-Bolgarsko-Vengerskoy ekspeditsii)*. Voronezh.
- Vinnikov, A.Z., Kovalevskiy, V.N. 2007: Mogil'nik saltovo-mayatskoy kul'tury u s. Tihiy Don v Voronezhskoy oblasti. *Hazarskiy al'manah* 6, 51–64.
- Vinnikov, A.Z., Pletneva, S.A. 1998: *Na severnykh rubezhah Hazarskogo kaganata. Mayatskoe poselenie*. Voronezh.
- Vinokurov, N.I. 1998: *Arheologicheskie pamyatniki urochishcha Arzezian v Krymskom Priazov'e*. Moscow.
- Vinokurov, N.I. 2002: Fenomen chelovecheskih zhertvoprinosheniy v antichnoe i srednevekovoe vremya (po materialam ritual'nykh zahoroneniy Krymskogo Priazov'ya). *Bosporskiy fenomen: Pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishcha: materialy mezhdunar. nauch. konf.* Ch. 1. Saint-Petersburg, 189–194.

- Vinokurov, N.I. 2004: Praktika chelovecheskih zhertvoprinosheniy v antichnoe i srednevekovoe vremya (po materialam raskopok ritual'nyh zahoroneniya v Krymskom Priazov'e). *OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arheologii* 3. Moscow, 55–87.
- Vinokurov, N.I. 2007: Issledovanie nekropolya gorodishcha Artezian v 2000 g. In: A.A. Maslennikov, N.A. Gavriiliyuk (ed.), *Antichnyy mir i varvary na yuge Rossii i Ukrainy: Ol'viya, Skifiya, Bospor*. Moscow–Kiev–Zaporozh'e, 351–401.
- Vinokurov, N.I. 2011: Pogrebal'nye komplekсы antichnogo i srednevekovogo vremeni: razryv traditsii ili preemstvennost' (na primere gorodishcha i nekropolya Artezian). *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Vzaimovliyaniya kul'tur. Bosporskie chteniya XII*. Kerch', 55–67.
- Vinokurov, N.I. 2014: *Nekropol' antichnogo gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e (materialy raskopok 1999–2007 gg.)*. *BI. Supplementum 12*. Simferopol'–Kerch'.
- Vinokurov, N.I., Ponomarev, L.Yu. 2015a: Saltovo-mayatskoe poselenie na antichnom gorodishche Artezian (Kerchenskiy poluostrov). *LAUREA I. Chteniya pamyati professora Vladimira Ivanovicha Kadeeva. Materialy*. . Kharkiv, 18–22.
- Vinokurov, N.I., Ponomarev, L.Yu. 2015b: Saltovo-mayatskie komplekсы gorodishcha Artezian (po materialam raskopok 1994–2010 gg.). *Tavrisheskie studii. Istoricheskie nauki* 7. Simferopol', 46–53.
- Vinokurov, N.I., Ponomarev, L.Yu. 2015v: O hronologii i periodizatsii gorodishcha Artezian v epohu srednevekov'ya (rannevizantiyskiy period). *Problemy istorii, filologii, kulturu3* (49), 195–208.
- Voronina, R.F. 1975: O nekotoryh chertah verovaniy srednetsninskoy mordvy VIII–XI vv. *Sovetskaya arheologiya* 1, 281–286.
- Vysotskaya, T.N. 2004: Agrarnyy kul't u pozdnih skifov. *Starozhitnosti stepovogo Prichornomor'ya i Krimu XI*. Zaporizhzhya, 60–64.
- Zhel'vis, V.N. 1984: Chelovek i sobaka (vospriyatие sobaki v raznyh etnokul'turnykh traditsiyah). *Sovetskaya jetnografiya* 3, 135–143.
- Zin'ko, V.N. 1994: Ohrannye arheologicheskie issledovaniya v g. Kerchi. In: V.A. Kutaysov (ed.), *Arheologicheskie issledovaniya v Krymu 1993 god*. Simferopol', 124–129.
- Zin'ko, V.N., Ponomarev, L.Yu. 2005: Rannesrednevekovyy gorizont poseleniya Geroevka-2 u pos. El'tigen. *Bosporskie issledovaniya* X, 236–268.
- Zin'ko, V.N., Ponomarev, L.Yu. 2008: Rannesrednevekovyy gorizont poseleniya Geroevka-6 na Kerchenskom poluostrove. In: G.E. Afanas'ev (ed.), *Drevnosti Yuga Rossii: pamyati A.G. Atavina*. Moscow, 420–440.
- Zin'ko, V.N., Ponomarev, L.Yu. 2009: *Tiritaka. Raskop XXVI*. T.I. *Arheologicheskie komplekсы VIII–X vv. Bosporskie issledovaniya. Supplementum 5*. Simferopol'–Kerch'.

CULT COMPLEXES OF THE SALTOVO-MAYAKI SETTLEMENT AT THE SITE OF FORTIFIED SETTLEMENT ARTEZIAN (1994–2010 EXCAVATIONS)

Nikolay I. Vinokurov*, Leonid Y. Ponomarev**

*Moscow State Pedagogical Institute, Russia,
vinokurovn@list.ru

**«Demeter» Charitable Foundation, Russia,
l_ponomarev@mail.ru

Abstract. The article analyzes the cult complexes excavated in the central part of the Saltovo-Mayaki settlement situated on the territory of the ancient fortified settlement of Artezian

(the North Kerch Peninsula). There are two cult complexes located close to each other. The cult objects included in their structure are represented by several ritual burials in the neglected ancient well, as well as in pits and mines in places for the extraction of stone from antique buildings. In two of them, there was a shared sacrifice of men and dogs, in two others – offerings of a goat, a human, a bull and a horse. In one case, there was a ritual action without a human offering. A cow or a calf was sacrificed. Such complexes have been previously found in many settlements of Saltovo-Mayaki culture, including those situated on the Kerch Peninsula. For the most part, they seem to have been associated with the agricultural and cattle breeding cult of fertility.

Key words: Kerch Peninsula, Artezian, Saltovo-Mayaki settlement, Saltovo-Mayaki cult complexes, Saltovo-Mayaki ritual burials

---
